

ИЗ ГРУЗИИ С БЛАГОДАРНОСТЬЮ...

Мужу моему посвящается

ДРУГАЯ СТРАНА

*...Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножем,
И мы получим этот край.
Б.Пастернак*

Ну как там было? – этот вопрос всегда застаёт меня врасплох, пласт памяти поднимается на поверхность, переполняет образами и лишает голоса. Как же там было? С чего начать... Каждый раз, когда я попадаю в страны, пережившие советское прошлое, внутри Союза или под его покровительством, меня охватывают сомнения. Видимое глазами никак не согласуется с ощущаемым, размывая очертания, покрывая все навязчивой патиной, лишая привычной уверенности. Мир-перевертыш... Поскреби ногтем по глянцевой поверхности, а там... едва уловимое, но такое знакомое...

Детское воспоминание... Тяжелая, затянувшаяся болезнь. Кровать у окна, за которым яркий, резкий свет сменяется непроглядной темнотой, саднящая боль в горле, сдавливающий обруч на висках и обреченность от сознания, что надо вылежать до конца, что болезнь живет по своим правилам и ты просто игрушка в ее руках. Долгие дни и ночи, боль держит тебя в своих крепких объятьях, кашель, выворачивает душу на изнанку, жар и озноб сотрясают твоё беспомощное тело... И вот однажды утром ты просыпаешься, а за

окном ласковое солнце, цепкие лапы болезни отпустили твое тело, ты осторожно садишься, опускаешь ноги на пол и делаешь свои первые шаги. Освобождение! Изумительная лёгкость, почти невесомость. Сколько дел впереди, сколько планов и все тебе по плечу! Вот только лёгкость эта сродни слабости, какой-то немощи. Один два шага и опять тянет в сон, прилечь, отдохнуть. Ещё на много месяцев вперед остаётся ощущение хрупкости, ненадёжности и продолжающей кровоточить раны, от которой так никогда и не избавиться до конца – чувство ранимости, незащищённости...

Страны, пережившие времена правления союза, почти физически возвращают меня к тем ощущениям: ранимость, червоточинка внутри, от которой не избавят ни годы, ни европейские ремонты фасадов, ни современные дизайны кафе и ресторанов, ни непривычное разнообразие и разноязычие толпы. Впрочем, язык в этих странах, в туристических его частях, как-то подозрительно напоминает ушедшее и создает ещё больший диссонанс с ожидаемым. – Не говорите в этих странах по-русски – предупреждают вас обычно доброжелатели перед поездкой, но как же стремительно вы обнаруживаете, что именно этот язык, почти безраздельно царит везде и всюду. Экономика – дело тонкое... Не хотели де-юре, получили де-факто. Почему-то это навевает грусть, особенно у русскоговорящих... не чувствуется колорита заграницы (из подслушанных разговоров). Вынуждена согласиться... есть в этом что-то оскорбительное...

Какой-то отголосок прежнего шовинизма, а может и нынешнего, просто для меня давно забытого.

Если бы много лет тому назад, мне сказали, что мой номер телефона выспрашивает молодой человек из Грузии, я бы просто отшутилась и скорее всего предложила бы не тратить драгоценного времени, ни его и ни моего. К счастью мне сказали, что он физик-ядерщик из Питера, что тоже было чистой правдой, не упомянув, что он из Тбилиси, где прожил двадцать пять лет из своих двадцати семи. Не случись этого непреднамеренного упущения, не было бы сегодня ни этого рассказа, ни наших троих детей, ни долгого пути познания, понимания и приятия. Было бы что-то другое... Всегда есть другие возможности, но мне бесконечно дорого то, что случилось и есть. И хотя я дала себе слово не писать о странах бывшего советского владения, по причинам, описанным выше, но перед Грузией у меня долг, за предвзятость, за неосознанное высокомерие, за самодовольный восторг перед майкой с надписью: «Ларису Ивановну хочу!», за стойкую ассоциацию Грузии только с русской литературой и поэзией, за невежество и глупые предрассудки, которых у нас, носителей богатого и могучего, оказывается превеликое множество.

О том, что в нашей привычной культуре существует невероятное количество предубеждений и предрассудков, я узнала от своих подрастающих детей. То, что мне казалось совершенно нормальным и не требующим объяснений, производимое практически автоматом, для моих, выросших на другой культурной основе детям, выглядело и смешным, и диким. Их реакция заставила меня задуматься. Кое от чего отказаться, признав явную абсурдность, что-то пересмотреть, в чем-то уступить, не желая перегружать непроверенными страхами моих свободолюбивых и критически настроенных детей. От предубеждений вообще пришлось отказаться – в их глазах они выглядели ни только невежественно, но и непростительно оскорбительными. Я признала их правоту и прямоту, хотя порой это было и не легко. Вот только два обычая в нашей семье остались неизменными и ни разу не подвергались ни сомнению, ни критике: сесть на посошок,

перед дорогой и не убирать в доме, пока гостившие не сообщать о прибытии на место назначения. Даже совсем далёкие от наших привычек друзья моих детей были посвящены в эти обряды, обычно без особых вопросов и с большим уважением. Законы гостеприимства, пожелание добра и сохранности, желание встретиться вновь... Это тебе не кошка через дорогу или треснувшее стекло.

Законы гостеприимства – почти первое, что приходит мне на ум, когда я вспоминаю эту поездку. Из каждой гостиницы мы уезжали с ощущением, что покидаем близких и дорогих нам людей, вдогонку нам неслись сообщения с пожеланиями всего самого хорошего и непременно встречи в будущем. Нас принимали с распростёртыми объятиями, потчевали невероятным количеством местных яств и нескончаемыми рекомендациями куда пойти и что посмотреть. Вообще заводить знакомства и приобретать друзей в Грузии невероятно легко, но об этом позже, а пока, мы приземляемся в Тбилисском аэропорту, нас встречает водитель из гостиницы и просит подождать снаружи пока он подгонит машину. Время ожидания – время созерцания... Первое впечатление от Грузии... собаки... Много собак, бездомных, полусонных, блуждающих и возлежащих всюду и везде, проходим они безразлично: ни тебе страха, ни умиления...ни вопроса... Часть ландшафта... Они сопровождали нас по всей Грузии. В городах, с биркой на ухе, сонные и ленивые, в горах и забытых богом местах, чаще стаями, требовательные и независимо бесстрашные. Мне знакомы страны, переполненные кошками, которые, как известно, гуляют сами по себе, но дикие и свободные собаки – это непривычно. Кажется, они поделили всю страну на свои территории, определив для себя их невидимые границы. В пределах этих границ они неотступно сопровождают, пасут нас, а потом передают своему соседу. Чинно, спокойно, с достоинством. Кто у кого в друзьях? – вопрос спорный. Они тут явно хозяева... На мой повторяющийся вопрос, почему в Грузии так много бездомных собак, я получаю повсеместно один и тот же ответ: «а почему их не должно быть? Живые существа... Да вы не бойтесь, они все привиты.» Последнее не точно. Привиты и учтены только те, что с бирками на ушах. Их невероятно много, а значит и работа продельвается немалая, и средства выделяются не шуточные. Живые существа! Живи сам и дай жить другому.

И вот мы уже несемся по направлению к городу, и наш водитель ярко и красочно иллюстрирует устоявшееся мнения об особенностях вождения в этой «маленькой, но гордой стране», уверенно занимая среднюю часть двухрядного движения, активно при этом жестикулируя и периодически обращая заинтересованный взгляд назад, по направлению к рассказчику, коим является мой муж, с умилением вдыхающий воздух былого отечества. Он плавно, сам себе на удивление, переходит на грузинский язык, пролежавший где-то на чердаках памяти лет сорок, пытается сориентироваться на месте.

Странное это ощущение, когда родной и близкий тебе человек, вдруг открывается совсем с непривычной стороны. Я внимательно вслушиваюсь в незнакомый мне язык, пытаюсь уловить интонации мужа, понять реакцию водителя. Так ли мы уж знаем друг друга?

Наконец-то, мы прибываем на место назначения. Самый центр города, историческая часть, экзотика, красота необыкновенная! Водитель подносит наши вещи в гостиницу, муж протягивает ему чаевые и сталкивается с удивлённым взглядом водителя: «Что это? Этого мало.»

— Простите, а сколько я вам должен?

— Как и договаривались. Сорок лари.

— Я думал вы получаете эти деньги от гостиницы. Это были только чаевые. Простите.

— Нет, что вы, мы работаем самостоятельно, а вот чаевые мы не берем. Не принято.

Мой муж теряет дар речи, платит по счету, оформляет у стойки наш номер, все ещё мучительно обдумывая ответ водителя, передаёт наши чемоданы приветливому служащему гостиницы, который незамедлительно поднимает их в наш номер. Муж предпринимает ещё одну попытку – как же без чаевых? и получает тот же ответ: Спасибо, но у нас это не принято. Хорошего вам отпуска. Мы всегда к вашим услугам.

Дверь бесшумно закрывается. Мой муж с ошалелыми глазами плюхается на кровать, холодный пот выступает на его висках. Он хватается за голову и громким шёпотом объявляет: мы попали не в ту страну! **Это не Грузия!**

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЁЗ

Мы из разных миров... Много лет тому назад, волей судьбы оказавшись рядом на нейтральной территории, мы соединили свои судьбы.

— В твоём мире – мужчины проводят время в ресторанах, куда не приводят своих женщин, а в моём мире – женщины встречаются в ресторанах, оставляя дома своих мужчин. Мы равные, хоть и из разных миров. Ну если хочешь – мир кошек, гуляющих на свободе и мир преданных и верных собак. – Тогда мне и в голову не приходило, что собаки тоже могут гулять на свободе (правда с биркой на ухе).

Тогда, мы с лёгкостью оставили в прошлом привычные нам места обитания и стали строить свою жизнь ориентируясь на новое, манящее, объединяющее.

Сейчас, ты приехал в Грузию показать мне мир своего детства и юности. Я приехала посмотреть страну, о которой сейчас говорят много лестного, а заодно и отдать долг твоим корням. Мною движет любопытство, а тобою? Мы впервые не на равных... Я у тебя в гостях. Твой голос, на незнакомом мне языке, завораживает и отдаляет. Я отстраняюсь от тебя и удивлённо вглядываюсь в знакомые черты.

Три года тому назад, я привезла тебя в страну своего исхода, но я – перекаати-поле, а ты прожил тут без малого двадцать пять лет. Как можно прожить так долго на одном месте? Ты умеешь ждать и пережидать... Твоё время течет медленнее моего... Может в этом ответ? Наша гостиница, выбранная тобою, находится в самом красивом месте города, квартале знаменитых серных бань Тбилиси, кем только ни восхваленных и ни воспетых. Гостиница

притулилась почти вплотную к Синей бане – так называли её в твоё время. Пестрая мозаика, полукруглый фасад, две изящные башни в форме минаретов по бокам – само изящество. Вся площадь вокруг бугрится каменными куполами — бани расположены прямо под ногами прохожих. Уходящие своими корнями в глубину веков, они гордость города, легенда его создания, туристическое место... По легенде эти серные источники дали начало городу и определили его название. «Однажды грузинский царь охотился со своим соколом на фазана и» — история, которую расскажет любой экскурсовод, опишет любой путеводитель, но мы приехали за другой историей, твоей... оживающей прямо сейчас, предназначенной только для моего слуха. В эти бани ты ходил ещё совсем ребенком, сначала с бабушкой и мамой на женскую половину, а потом с дедушкой и папой – на мужскую, в офицерские номера. «Офицерские номера» — не вяжется в моём сознании с этим восточным величием, непрерывным журчанием горного потока, обмывающего древние стены и дружным, неистовым хором истинных хозяев этих мест — лягушек.

— *Мы, непременно, должны туда пойти* – говоришь ты и ещё много раз повторяешь эти «должны и непременно», рассказываешь пространно о семье, родных, друзьях, показываешь места где ты родился, жил с родителями, встречался с друзьями. Надо всем городом повисает пелена из твоих воспоминаний. Реальный город ускользает от меня, распадается на множество осколков, отражающих образы твоих историй. Напрасно я вскидываю камеру к глазам и пытаюсь уловить реальное.

Мне хорошо знакомо это ощущение временной слепоты. К новому месту необходимо присмотреться, привыкнуть, найти тот главный ключ, который приоткроет дверь в святая святых – Душу места. Мне знакомо упоение, разливающееся в момент откровения, когда в объективе появляется нечто, что заставляет чаще забиться сердце и возвестить со вздохом облегчения: Наконец-то! Момент, когда ты уже в потоке, в равновесии. Это всегда процесс, это всегда время... Только здесь в Тбилиси, этот процесс тянется слишком долго, город продолжает является мне только в твоих словах, твоих воспоминаниях, ощущениях. Мир, всплывает перед глазами повинувшись звуку ... я слушаю... невольно улавливаю обрывки разговоров вокруг – они просачиваются с удивительной лёгкостью в сознание и дополняют и без того непривычную картину города.

Я зачарована, заморожена, но порой во мне нарастает протест. Вот там, совсем не в том направлении куда ты ведешь меня, призывно манит яркий свет, звучит музыка, туда перетекает толпа... Можно? – Там ничего нет – говоришь ты уверенно — Там ничего не было. Не было тогда и не должно быть сегодня. Ты пытаешься обходить незнакомое, новое... Ты хранишь свою историю нетронутой, неизменной. Настойчивое нежелание увидеть новый город... Прислушайся, присмотришься... — говорю я себе – это должно иметь смысл и это не может длиться вечно.

Дорога к дому, в котором ты родился... Старый город, отреставрированные улицы. Я невольно сравниваю... Мы родились во дворах, в старых частях города, некогда заброшенных и далеко не престижных. Сегодня это туристические места, лицо города... Твой двор под номером 17, а мой – 16, дедушка с бабушкой, родители и новорожденный... обычная история. Твой двор остался почти нетронутым, все вокруг изменилось, а он... ждал тебя? Сфотографировать? Для детей? На память?

Ты охотно позируешь на фоне двора, потом на фоне старой синагоги, где тебе справляли бар мицву, потом у дома, куда вы переехали уже своей семьёй: папа, мама, ты и младшая

сестра – одна комната на всех, потом около школы, университета, могилы отца...

И около каждого места истории, образы, открытия... Ты крепко держишь меня за руку, ведя за собой в незнакомый мне мир. Мы из разных миров... Ты редко говорил о своём...

Как-то невольно вспомнилась история, семейный анекдот, принадлежащий уже нашей с тобой семье. Тогда у нас было только двое детей: старшему семь, младшей четыре. Мне казалось совершенно нормальным, что у каждого из них должна быть своя комната, обилие вещей и игрушек. Мы пытались приучить их к порядку и всей семьёй наводили чистоту перед выходными. Дети не испытывали особого энтузиазма по этому поводу и на полном серьёзе сетовали на превратности судьбы. Тогда ты сказал им, что у тебя в детстве не было таких излишеств. Ты говорил об одной комнате в коммунальной квартире, об одной полке для каждого в шкафу, о диванах и кресле-кровати, которые на ночь превращали гостиную в спальню, о неизбежности порядка при таких условиях. Твой рассказ прервался рыданиями нашей дочки. – Это не честно! – воскликнула она, едва сдерживая слёзы – У тебя было счастливое детство! Тебе не нужно было убирать такое количество игрушек! Это несправедливо!

Так эта история и осталась смешной историей про детей – забавным абсурдом. Порой она вдруг вспыхивала иным, предупредительным знаком, но в добрые времена это казалось несущественным, а в худые – слишком надуманным. Соединить два мира и создать единый, живущий в согласии и понимании – задача непростая, порой просто непосильная. Сколько раз за эти годы хотелось всё бросить, отказаться, уйти... Непонимание чаще всего воспринимается как нежелание понять, достойный повод для отчаяния, обиды... Мы из разных песочниц... Твой мир для меня — это сказка, так не похожая на знакомое мне с детства, хотя, во дворце, скорее всего, жила я. Ты надежда и гордость твоей семьи, я надежда и гордость – моей. Два пьедестала... Как в том фильме: «Так он ведь памятник, кто же его посадит...» — не судите слишком строго за превратно расставленные акценты, для пущего эффекта...

Фильмы, музыка, книги – в той, исчезнувшей с карты страны, стелились густым туманом над всем индивидуальным, этническим. Стереотип объединял, порождая иллюзию общности и разобщал одновременно, навешивая на всё и вся свои этикетки. Чего стоит один только характерный акцент, всплывающий невольно при слове Грузия... «Я тебе скажу один умный вещь, только ты не обижайся пожалуйста...» Ни в столице, ни на окраинах, я не слышала ничего подобного. Из анекдотов, услышанных на одном из концертов в Тбилиси: Фильм «Мимино», ставший иконой, визитной карточкой Грузии, как и всё в те времена, не избежал всесильной цензуры. В одной из не вошедших в конечный вариант фильма сцены, Вахтанг Кикабидзе и Фрунзик Мкртчян, исполнители главных ролей, выходят из номера гостиницы, а навстречу им идет делегация японских туристов. Иностранцы смотрят на эту экзотическую парочку и сокрушаются, что все эти русские на одно лицо и их очень трудно различать. Понимающий, да поймет. Цензура – это обратная сторона неудобной правды. Даже во времена уравниловки, никто не хочет терять свою индивидуальность...

Музыка звучит на площадях, в парках, в переулках... Музыкальность этого народа невероятна и неотделима от его истории, как и знаменитые тбилисские дворы. В один из таких дворов мы идем на концерт. Профессионалов в качестве исполнителей здесь нет. Мальчик лет восьми, парень с девушкой лет по шестнадцати, бывшая врач, начавшая зарабатывать на жизнь пением в трудные времена, молодой парень спортивного вида,

гитарист средних лет. Организатор и ведущая этого концерта, невероятно гордая этой своей новой ролью, предупреждает заранее, что она профессор в университете, преподаёт экономику и эти концерты для нее — это увлечение, желание показать туристам самобытную культуру Грузии, показать свою страну с самой лучшей стороны, поделиться своей страстной любовью к ней. Богатейшая своими талантами страна! Ещё не раз мы встречались с такими частными инициативами, не профессиональными, не официальными, но невероятно искренними, с искромётным чувством юмора, отогревающими душу и, что греха таить, порой вызывающие слёзы умиления и благодарности – безграничная доброта и желание любить всех и каждого, здесь и сейчас. Спортивного вида парень, настоящий качок с непроницаемым лицом, начинает петь, подыгрывая себе на аккордеоне. Он поёт так проникновенно, так удивительно, его голос зачаровывает, околдовывает, влюбляет в себя... Бархатный, вибрирующий, с лёгкостью переходящий от октавы к октаве, наполняющий грустью, порой неприкрытой болью, а порой ослепительным светом. Грузинский двор замирает, околдованный его музыкой: застывает на месте старушка с продуктовыми корзинами, замолкают две женщины-соседки на балконе второго этажа, мужчина в майке забывает о своей недогоревшей сигарете, даже беспокойная детвора прекращает на время свои шумные игры. Настоящее волшебство... Влюбится без оглядки...

— Ну вот, такие песни обожают наши таксисты – ведущая достаточно бесцеремонно опускает нас на землю. Замолкший певец, опять сидит безучастным качком и трудно поверить, что ещё минуту назад он крепко держал в своей власти и двор, и публику, и моё сердце...

— Вот такие таланты рождает наша земля! – теперь уже с гордостью добавляет она. Тонкая, едва различимая грань, между серьёзным и шуточным – умение представлять себя с юмором, с улыбкой, в надежде, что истинное и так не ускользнёт от вас – упование на пронизательность, на понимание.

Под конец, ведущая, совсем уже по-семейному, делится с нами своими опасениями и трудностями: артистов пришлось собирать в последнюю минуту, большинство из них вообще видели друг друга в первый раз, а вот ведь спелись и всё прошло как по маслу, да, почти забыла, бабушка одного из исполнителей испекла для нас пирог, и мы непременно должны его попробовать после концерта, вот только вначале, вернее в конце, мы все споём на грузинском песню о Тбилиси...

Всем раздают отпечатанные на латинице тексты и исполнители, вместе со зрителями и обитателями двора, затягивают знаменитое Тбилисо... И опять я слышу твой голос, теперь уже уверенно выводящий знакомую мелодию, неотрывную от привычных тебе слов.

Три дня в Тбилиси... Обилие образов, промелькнувших перед глазами, послевкусие грузинских яств, пьянящие запахи весеннего цветения, терпкие ароматы серных ванн, гудящие от усталости ноги... Всё это только фон, удачная декорация, для другого, более важного и увлекательного путешествия. Мы ещё вернемся в этот город, ровно через десять дней... и я не узнаю его. Я начну знакомиться с ним, как будто впервые, а ты заскучаешь по дому... По нашему дому – такому отличному от всего, что было здесь... По дому, в котором так много меня...

Мы спускаемся пешком с самой высокой точки Тбилиси. Я пробираюсь по звукам и

продолжаю вслепую фиксировать мир вокруг...

- Ну посмотри! Неужели ты не видишь? Главное в этом кадре не я, а вот этот диковинный цветок.

- Что в этом цветке особого? Ты меня уже замучила! То тебя фотографируй на фоне каких-то развалин, то теперь какие-то развалины на твоём фоне. Объясни, что я должен фотографировать теперь.

- Посмотри, среди этих развалин, старых стен, пророс диковинный цветок – это чудо! Неужели ты это не видишь?

Мужчина ошалело смотрит на жену и явно начинает терять терпение, а у нее в глазах такая тоска и обида, хоть плачь.

- Не тратьте зря свое драгоценное время – бросаю я ей на ходу – Мужчины не способны уловить такие нюансы. Не стоит себе портить настроение из-за пустяков. Ну не дано им... — мы понимающе переглядываемся, под растерянным взглядом её мужа.

Тем временем, ты опередил меня на целый лестничный пролёт и терпеливо ждёшь, пока я подойду к тебе.

— Ты видела это чудо? – говоришь ты мне, с восторгом глядя вверх – Какой удивительный цветок вырос среди этих старых камней!

И вот, В ЭТОТ САМЫЙ МОМЕНТ, я вдруг вновь обретаю зрение! Первое, что я вижу перед собой, именно вижу, во всем богатстве цвета, света и форм, — священник, с библейским лицом, подоткнув рясу, взбирается на лестницу, чтобы подвязать виноградную лозу. Ухоженный виноград, благородная осанка, привычные жесты.

- Ты - моё самое настоящее чудо! – говорю я, смеясь – Время потрачено явно не зря!

- Ты о чём?

- О священнике, конечно! Сколько терпения, любви, усердия! Представляешь, какое классное выйдет из этого винограда вино!

БЕЗДОМНОСТЬ

За пределами Тбилиси ничейная сторона. Мы опять предоставлены друг другу на равных: ты да я, да мы с тобой. Город твоего детства больше не придаёт тебе дополнительного веса, не ослепляет, не направляет и мы понемногу, возвращаемся на круги свои. На золотом крыльце сидели: царь-царевич, король-королевич... На одном заборе, беспечно болтая ногами и радуясь предстоящему путешествию... за пределы твоего прошлого.

Мцхета, Уплисцихи, Казбеги... слова перекатываются в горле, вызывая фантастические образы, то строгих грузинских церквей с завораживающими росписями на стенах, то пещерного города, высеченного в скалах, то снежных завалов посреди весны и захватывающих дух виражей военно-грузинской дороги. Теперь, выйдя за пределы прошлого, навстречу новому и неведомому, мы опять два путешественника с широко распахнутыми глазами, готовые поглощать и впитывать, обмениваться впечатлениями, делиться мыслями. Благословенная земля – обильная, щедрая, вольная.

Вот только Кахетия нас не приняла... Закрылась от нас плотной стеной проливного дождя, густым туманом и неожиданным холодом...

— В это время дожди проходят быстро. Непременно распогодится – пытались обнадёжить нас хозяева нашей гостиницы. Они все молоды, приветливы и очень гостеприимны. Мы с удовольствием общаемся с ними утром за завтраком, делимся впечатлениями вечерами,

возвращаясь после длинных походов, спрашиваем советов, планируя. Нам невероятно уютно в этой гостинице, около тех самых Тифлисских серных бань.

День ещё в самом начале, город только-только просыпается и, сквозь несомненные облака, на нас струится нежный солнечный свет. Может и правда, распогодится...

До самой невидимой границы мы тешим себя надеждой. И потом, с недоумением выжимая над умывальником в туалете непромокаемые куртки и поёживаясь от холодных струй, стекающих по шее и спине, мы всё ещё утешаем себя тем, что это не может быть вечно – это ведь солнечная Грузия, Кахетия – край пьянящего вина и шумного застолья, головокружительных видов, открывающихся с горных вершин, живописных ущелий.

- Следующая остановка через сто километров, мы убежим от дождя, поверь мне... Там потрясающий вид – один из самых красивых видов этого края. Мы прорвемся через эту пелену воды, низвергающуюся на землю.

Чем выше мы поднимаемся в горы, тем обильнее дождевые потоки, а тут ещё и туман подступает всё ближе и ближе. Мы с трудом различаем петляющую в горах дорогу, на нас неожиданно выплывают, рассекая туман, встречные машины, обдавая брызгами грязи из-под колёс и выбросом адреналина. Опасно, холодно, мокро и беспросветно... Над самым красивым видом стоит такой туман, что кажется расправь руки в стороны и пари себе на молочно-белом покрывале... В очередной раз, за этот едва начавшийся день, промокнув до нитки за какие-то пять минут, после провальной попытке заглянуть на знаменитое ущелье в прорезь тумана, мы опять сидим в машине, пытаюсь справиться с пронизывающим холодом. Давай ещё один рывок? Где-то наверняка должно быть солнце или просто закончиться этот неугомонный дождь. Подниматься вверх нет смысла, да и опасно при таких погодных условиях. Меняем маршрут – в Кахетии есть ещё, что посмотреть.

Мы проезжаем деревню за деревней. Ко всем домам снаружи подведены трубы, то ли вода, то ли газ. Обнажённые оформления-рамки домов, поднимающиеся на высоту жилищ. Одинаковые дома, равные участки, и только цвет этих наружных коммуникаций, возвещает о том, что мы уже в другом селении. Если это подводки воды, то достаточно одной пробоины в трубе и весь жилой массив останется без воды... а если это газ, то... взлетят на воздух? Дурные мысли забираются в голову и рисуют картины апокалипсиса перед глазами. Дождь зловеще барабанит по крыше машины и вода веером разлетается под неустанно мелькающими дворниками. Эти, проносящиеся мимо, дома ненадёжны, неприветливы, обезличены... ДОМ! Куда мы едем? Куда нас несёт?

Ещё одна намеченная достопримечательность, ещё одна запланированная остановка, смывается дождём, потопает в тумане. Медленно течет время, с трудом высвобождая себе тропинку сквозь толщу белесой пелены, пустой, никчемный день и щемящее чувство бездомности, беспомощности, потерянности на просторах земли неведомой, земли неприветливой... Что дальше?

Из всего намеченного на этот день, Дом Чавчавадзе в Цинандали был только опцией – если успеется. Но Кахетия, закрывая перед нами, одну за другой, все свои прелести, вела нас неизбежно именно сюда – под непромокаемую крышу. И правду сказать, дождевой занавес расступился в тот момент, когда мы подъехали к воротам усадьбы, около которой оказалось на удивление много посетителей.

За массивной оградой, рукой подать, вот он, дом — очень европейский, с деревянным балконом, почти по всему его периметру, на втором этаже. Перед домом искусственный водоём, ухоженный парк в английском стиле, многовековые деревья. Дождь прекратился. Робкие солнечные лучи приятно согревают наши промокшие насквозь головы и спины, да и очередь за входными билетами выглядит на редкость сухой, словно мы пришельцы из параллельного мира, а здесь всё было как всегда в этом благословенном крае — солнце и покой. Не знаю, что привело их в этот дом, но меня всего одно желание — согреться. Чувствую, что начинается озноб. Сейчас нам нужно что-то тёплое: кофе, горячий шоколад, что угодно. Тут есть экскурсия, но только через пол часа. Подождём? Да хоть и через час, главное согреться. Ты уходишь на дегустацию вин, а я с чашкой горячего шоколада сажусь у окна в каком-то полупустом зале. Посетителей тут практически нет, свет, проникающий во внутрь из одного-единственного окна едва освещает помещение. Вместе с теплом в меня проникает щемящее ощущение бездомности. Отчаянное желание оказаться далеко отсюда, в своём доме, в привычном мире... Ещё вчера эйфория, восторг и упоение путешествием, природой, архитектурой, людьми, а сейчас хочется плакать о бездарно прожитом дне, о потерянном времени, о бессмысленности... Всего-то и бед... холодный дождь, да туман...

- Там начинается экскурсия. Идешь? — поёживаясь, поднимаю себя со стула и, стараясь не расплескать с таким трудом собранное тепло, бреду наверх. Здесь начинается рассказ...

Род Чавчавадзе — один из самых известных и славных родов Грузии. Земли, на которых стоит эта усадьба были пожалованы князьям Чавчавадзе ещё в середине семнадцатого века, правда тогда здесь стояла старинная крепость.

Отец Александра Чавчавадзе был инициатором присоединения Грузии к России. Сам Александр принимал участие в войне с Наполеоном, дошел до Парижа, дослужился до звания генерал-лейтенанта и, по возвращении, решил внедрить увиденное в Европе у себя на родине. Забрал свою семью из Санкт-Петербурга и переехал в Цинандали, на свои родовые земли. Обстановка дома, сад и, особенно винодельня, — это результат его трудов и идей, почерпнутых в Европе. Новатор, строитель, полиглот, писатель, переводчик и поэт... Дом становится центром культурной жизни Грузии. Его посещают Пушкин и Лермонтов, Одоевский и Александр Дюма-старший. Здесь Александр Грибоедов знакомится с одной из дочерей Чавчавадзе, красавицей Нино, и связывает себя с ней узами брака. Невероятный брак по нашим сегодняшним меркам: ей всего пятнадцать, а ему уже тридцать три.

Комнаты и залы восстановлены именно так, как это было в те времена.

Как легко представить себе атмосферу тех знаменитых вечеров, услышать музыку, льющуюся из этого удивительного рояля (первого рояля, привезенного владельцем усадьбы в Грузию), как тянет уютно расположиться в том кресле с книгой в руке или отведать местных, а может и европейских блюд, в столовой, за тем круглым столом. Стол накрыт, ещё мгновение и соберутся гости, польётся приятная беседа, оживут захватывающие история, мысли... Дом погружает в свой мир, чарует, и наступает покой, такой желанный в этот дождливый, бездарный день.

— Всё, что вы видите здесь, восстановлено намного позже. Уже после смерти Александра Чавчавадзе, на усадьбу напали войска горцев под предводительством сына Шамиля. Дом был сожжен, разграблен, а его обитатели числом 24, были взяты в плен. В числе пленных оказалась жена Давида Чавчавадзе, сына Александра, вместе с шестью детьми. За этих

высокопоставленных пленных был назначен серьёзный выкуп. Для сбора средств князь был вынужден взять ссуду в государственной казне, заложив при этом своё имение в Цинандали. Пленники были освобождены, но денег на возврат у Давида Чавчавадзе не хватило и имение перешло во владение российской короны. Семья Чавчавадзе больше не возвращалась сюда...

Только что приютивший нас дом, прямо на глазах рассыпается в прах, погружается в небытие и лишь надрывной, протяжный зов горящего рояля, рассекает тишину и плывёт над руинами, над кронами пылающих деревьев, оседая серой пылью на лица посетителей...

Был Дом – не стало Дома – и этот дом совсем не тот...

Ощущение бездомности нагнало нас. Что за наваждение такое?

Прочь!

В идеальном английском парке звучит тихая музыка: Шопен, Рахманинов. Моросящий дождик едва проникает сквозь густые кроны вековых деревьев. Вековых ли?

Пересекаем парк и идём на экскурсию в винный погреб – гордость её первого хозяина, наладившего производство грузинского вина по европейскому методу. Потом опять бредём по парку и воображаем себе, что это наш парк, наш дом и, парящая где-то в высоте, музыка – только для нас. Потеплело...

— Я скучаю по дому – говорим мы, не сговариваясь, одновременно...

Садимся в машину, бросаем последний взгляд на печальную усадьбу, тяжелый занавес из дождевых потоков смыкается за нашими спинами, и мы вновь отправляемся на поиск гостеприимной Кахетии, теряясь в сплошном тумане и дожде, видимо только на время упустивших нас из виду.

Мы направляемся в город влюблённых. К холоду, дождю и туману, теперь ещё добавился голод. День приближается к вечеру, мы совершенно отчаялись и теперь перед нами всего одна цель – где-нибудь поесть и отправиться в обратный путь. Ещё два часа в пути, по бездорожью, под стук непрекращающегося дождя, и мы в последней на сегодня достопримечательности Кахетии. Сигнахи – город влюблённых, получивший своё название из-за дворца бракосочетания, который работает двадцать четыре часа в сутки и где можно распечатать без особых волокит, в любое удобное для вас время. По описанию, милый уютный городок, неплохо сохранившийся с XVII века и с любовью отреставрированный в наши дни... Всё это по путеводителю... В этот исключительный день, для нас не предвидится никаких послаблений... Льёт как из ведра. Закутываемся в купленные здесь же пластиковые плащ-палатки. Они хоть как-то защищают наши основательно промокшие, непромокаемые куртки. Тщетно пытаемся найти место, где можно поесть. От дождя все попрятались по ресторанам и кафе. Нам советуют отправиться в частный дом, с домашней кухней на окраине города. Там и правда оказывается место. Удобно устроившись у печки, мы ждем, когда к нам подойдёт хозяин. Колоритная компания, состоящая, из преподавателей одного из московских медицинских факультетов и их гида, который в данный момент исполняет роль тамады. Отдавая должное специализации преподавателей – акушеров-гинекологов, он посвящает свою пламенную речь во славу матери. Величие, самоотдача, преданность! – Я бы умер, если бы мне пришлось рожать! Любой из самых сильных мужчин не смог бы вынести такого испытания! За одно это мы должны почитать и ценить наших женщин – наших матерей!

— Это всегда так утрировано, смешно? — спрашиваю я тебя, с трудом сдерживая улыбку. Мы согрелись около теплой печки, сбросили наконец-то наши промокшие насквозь куртки и блаженствуем в этом доме-ресторане, разглядывая, как в театре, происходящее за соседним, единственно-занятым, столом. Хозяин подносит им ещё кахетинского вина и зачарованно слушает дородного тамаду. В ожидании своей очереди, мы перечитываем обильное меню, не менее обильно выделяя пищеварительные соки в предвкушении горячего и ароматного. Оголодавшие и разомлевшие, мы с трудом делаем свой выбор, но... день на исходе... ничего из обозначенного в меню уже нет. Нам предлагают собрать из остатков всего понемногу, но нам это кажется обидным. Перед глазами маячат образы горячих блюд, дымящихся супов с ароматом грузинских пряностей. Мы печально, но гордо покидаем гостеприимное место под извиняющиеся взгляды хозяев.

Дождь, как верный облезлый пес, поджидает нас за порогом, и мы решаем ехать домой, не солоно хлебавши, окончательно уверовав, что это не наш день.

Уже на самом выезде из города, мы замечаем практически пустой ресторан. Обстановка его навязчиво возвращает нас в доисторическую советскую эру, официантка и обслуживание вполне соответствуют интерьеру, но в меню есть суп-харчо и баклажаны с орехами. Ехать нам ещё часа три, в темноте по грузинским дорогам, размытым дождём. Чем чёрт не шутит!

Суп нам приносят достаточно быстро, баклажаны тоже... их вкус вполне в духе интерьера, но мы пытаемся подбодрить друг друга и, криво улыбаясь говорим, что это совсем не так уж и плохо. Уговаривая себя проглотить ещё одну ложку этого варева, я начинаю прислушиваться к разговорам за соседним столом. Это единственные посетители, кроме нас. Как и повсюду — россияне. Большая семья из братьев и сестёр, с мужьями, жёнами и малыми детьми, которые развлекают себя, чем могут, пока их родители лет тридцати плюс-минус, ведут серьёзную беседу.

— Я вчера говорил с батюшкой, — начинает молодой человек, сидящий во главе стола — и он мне сказал поразительную вещь. Он сказал, что все наши беды от того, что мы неправильно воспитываем наших детей. Не по-христиански это — давать самое лучшее детям. Самое лучшее нужно давать родителям — они это уже заслужили тем, что создали жизнь и ответственны за неё. Это не простое дело! Дети должны понимать это, а не принимать как должное. А потому, лучший кусок за столом должен быть отдан отцу, да матери! Вот тогда и не будет жалоб на неуважение и бедную старость.

Его сотрапезники, покачивая головами, слушают в изумлении. Задаются вопросами, а потом как-то особенно нежно прижимают к себе своих малышей.

— Да как же я от такого оторву и себе в рот положу, лучшее та? — смущённо спрашивает одна из мам, бережно прижимая к себе годовалого малыша.

— Да и я не очень понимаю, вот только батюшка сказал, что это не по-христиански. Я только передаю его слова... — извиняющимся голосом говорит молодой отец.

Почти одновременно, мы расплачиваемся и выходим на дождь.

Три часа, в крошечной темноте, едем в Тбилиси. Пустой день, а мыслям нет покоя. Бездомность, исчезнувшее видение прекрасного Дома, странные застолья и непривычные разговоры за соседним столом... Неужели во всём этого нет никакого смысла? Мрачный, мокрый, обескураживающий день в Кахетии, имя которой равнозначно солнцу, искристой вину и радости...

В Тбилиси дождём и не пахнет.

— Как прошёл ваш день? — приветливо спрашивают нас в гостинице.

— Кахетия нас не приняла...

— Как жалко! Вы только уехали и дождь прекратился. По всей Грузии было солнечно, кроме Кахетии. Вам не повезло. Будет за чем ещё раз вернуться в Грузию.

— Наверняка! Постараюсь забыть этот день... Вычеркнуть из памяти!

Вот только с памятью, шутки плохи...

И много дней потом, радовала нас Грузия своим гостеприимством и безоблачным небом...

И одарила нас Сванетией...

ПЕЩЕРНЫЙ ВАВИЛОН

- Давай не поедem в Сванетию. У нас уже и так столько всего запланировано на эти две недели. Мы не обязаны исколесить целую страну в такой короткий срок. Все говорят, что дороги там опасные, а водители непредсказуемы, да и погода... На то время, что мы собираемся там быть – сплошной дождь...

- Мы поедem. Всё будет в порядке. Другой возможности не будет! – Лаконично, уверенно, непривычно...

- Может все-таки возьмем водителя? Ты ведь никогда там не был. Все, с кем я говорила, утверждают, что это совсем не просто.

- Интересно, как ты себе представляешь поездку с кем-то чужим в машине? Мы привыкли понимать друг друга с полуслова, общаться молча, наслаждаться, не теребя друг друга. Тебе все мешают в путешествиях, да и мне тоже. Только ты и я! О каком водителе идёт речь?

— Да ты прав... Тогда может назад вернёмся самолётом? Это и быстрее и менее опасно... Так говорят...

— Быстрее – это если лётная погода. А если дожди, то мы не успеем на обратный самолёт домой и застрянем в горах, без всякого запасного плана. Кстати, ты видела какие там самолёты? Как в Мимино!

— Прямо-таки и с коровой на верёвочке? — ну как не улыбнуться друг другу.

— Перестань сомневаться. Мы нормально доедем до Сванетии, и я лично буду вести машину всю дорогу. Ты ведь мне доверяешь?

Вот уже несколько месяцев мы обсуждаем нашу поездку в Грузию. Мы еще никогда не пытались быть такими организованными, никогда не рассчитывали каждый наш шаг, час, день. Мы заранее заказали все гостиницы, проштудировали всю информацию о стране, прочитали все советы по интернету, опросили всех, кто там был или даже ещё только намеревался. Наш маршрут рассчитан и занесен в специально продуманную таблицу. От присущей нам спонтанности, прыжка в непредвиденное, не осталось и следа. Я просыпаюсь по ночам и вполне серьёзно думаю о том, что неплохо бы было оставить хоть какое-нибудь завещание. И это навязчивое: Сванетия... Как-будто тебя пеленают в плотный саван, такой тугой и совершенный, что из него уже никогда не выбраться, не пошевелить ни рукой, ни ногой. Бурный поток несет тебя с гор, разворачивая из стороны в стороны, подбрасывая на камнях, яркие лучи солнца слепят, отражаясь в брызгах воды на твоём лице, безумная желтизна переливается в девственно белое и исчезает в сплошном зеленом, плывущем по голубому небосводу. Сванетия, сван, саван...

- Давай не поедем в Сванетию... - повторяю я в который уже раз, а внутри пульсирует:

- Пожалуйста, не слушай меня. Не уступай, не поддавайся уговорам... Закрой уши, пристегни себя ремнями, закрой глаза... Возьми меня в Сванетию, несмотря ни на что... Преступи мой страх. Будь мне поводырём, дай руку, подставь плечо, одари улыбкой и скажи, без тени сомнения:

- Мы едем в Сванетию!

В Тбилиси мой страх смолкает, но стоит нам только заполучить машину и начать выезжать за пределы города...

- Может всё-таки оставим Сванетию на другой раз? Смотри сколько всего мы уже посмотрели. Помнишь города в скалах? X век нашей эры, вся Европа уже застраивается замками и церквями, готика не за горами, а здесь — всем народом — в горы, в пещеры, выдолбленные в скалах, непрменная церковь прямо в камне, кстати, с росписями небывалой красоты, с просторными тронными залами для царицы Тамары, простыми жилищами, уходящими вглубь, подальше от чужих глаз. Уплисцихи — завораживает, а Вардзия просто поражает воображение. Мне она напомнила Вавилонскую башню с картины Брегеля. Рассыпанные по всем её тропинкам туристы, крохотные издалика, словно муравьи. Сколько языков можно там услышать! Настоящий Вавилон! Помнишь того мальчонку, лет пяти не более, отважно перескакивающего с одного каменного выступа на другой, зовущего за собой немного ошарашенных, но гордых родителей? А ещё помнишь, молодую женщину, переступающую через огромные валуны, с рюкзаком на спине, из которого видна только спящая головка малышки-дочки. А ещё растянувшуюся на десятки метров, группу голландцев пожилого возраста, охающих и ахающих от восторга, а больше подтрунивающая друг над другом, особенно громко на опасных спусках. Вавилон, чистый Вавилон.

А Казбеги? Неужели тебе было мало той снежной дороги? Помнишь водителя, который

подвозил нас до монастыря на самой вершине? По той дороге-тропе, на которую ступают только бывалые. Лихо несясь то вверх, то вниз, почти по вертикали, исключительно по встречной полосе, сигналил почти не переставая, он ещё умудрялся вести светскую беседу с нами, с кем-то по мобильному, прижимая оный к уху одной рукой, и окончательно доконал меня, когда, проезжая мимо горной церквушки, стал истово креститься свободной рукой. Не знаю, как ты, а я предпочла просто закрыть глаза. Всего-то пятнадцать километров вверх! Зато какая благодать наверху! Монастырь действующий, жалко, что не видели никого из монахов. А я опять примеряла на себя это белоснежное одиночество: Тишины хочу, тишины...

- Ну, теперь ты понимаешь, что твоя идея нанять водителя по всей Грузии, была бредовой. Тебе одного, на пятнадцать километров, хватило, чтобы опять возмечтать о тишине и примерить на себя монашество – говоришь ты, в который раз проявляя свою проницательность. В этой поездке ты постоянно прав... и мне это чертовски нравится...

А ещё мне очень нравится, что ни богатая история, ни восхитительная природа, ни поразительная архитектура и разнообразие традиций, никак не заслоняют людей. Из их образов, историй, лиц, плетётся причудливый узор удивительного мира. Далёкое прошлое проступает сквозь латанную и перелатанную ткань недавнего. Гордость, смирение, а порой и просто пофигизм... Женщины повсеместно работают, а мужчины занимают себя беседой. Собравшись на остановке, сидя на бревне, у крыльца, они ведут долгий разговор. – Они хоть когда-то работают? – спрашиваю я тебя. – Зачем им работать? Сегодня ведь воскресенье. – отвечаешь ты. А сегодня что? – вопрошаю я назавтра, проезжая мимо тех же застывших в своём безделье мужских компаний по обочинам дороги. – Сегодня понедельник – ещё вся неделя впереди. – Что непонятного? То она вся ещё впереди, а вот уже и вся сзади. Тут и не поработаешь. Глупые бабы, что им до понимания жизненной сути, работают все дни, по неведению...

Или вот гостиница в Кутаиси? У меня было ощущение, что нас стараются откормить, а потом... Ну как в той детской сказке... На завтрак металось такое количество еды, что ни на шутку становилось страшно. Тут было всё, что только можно представить себе на завтрак, на обед и на ужин, с немалым запасом ещё и на следующий день. Всё это подавалось индивидуальными порциями и оставалось практически нетронутым. Скорее всего напрямую отправлялось в мусор. Кому под силу съесть на завтрак несколько видов хачапури, несколько видов лобио, рис с мясом, жаркое из баранины, сосиски, сыры, яйца во всех вариантах, включая «специально для нас» на израильский вкус приготовленную шакшуку, полный набор завтраков народов мира и даже знаменитые хинкали... Меня это пугало и выворачивало наизнанку.

— Любезный, зачем же так много всего, на каждый стол, в индивидуальных порциях?

— А вы спросите в Кутаиси у кого самый богатый стол в городе! Все вам скажут, что у меня! Это фишка у меня такая!

Кутаиси, Боржоми... некоторые места просто промелькнули, оставшись какими-то вспышками. Кутаиси – город как после бомбежки. Унылые неухоженные дома, иногда с картонными окнами. Кое-где вдруг появляются элементы былой, а скорее вновь нанесенной «роскоши», но общее впечатление удручающее. На километры развороченная одна из центральных улиц в Кутаиси. К домам не подъехать, а не дай бог польет дождь, так и не подойти. Машины оставляют далеко от дома и, перескакивая или переваливаясь через

колдобины, поток измотанных обитателей реконструируемого квартала перетаскивает на себе тяжелые корзины с покупками, коляски с детьми, по пыли и грязи в свои, достаточно благоустроенные дома. Помнишь, на ограде одного из этих домов мемориальная доска. Текст только на грузинском, но что-то меня заставляет остановиться и попросить тебя перевести... В этом доме родился... Маяковский!!! Не будь тебя рядом... Кто обнаружит? Кто узнает? Кто прочтёт? А ведь и правда, рупор революции Владимир Маяковский, русский поэт, называл себя грузином...

— В Кутаиси делать нечего – говорит хозяин нашего кулинарного ада – здесь важны окрестности: пещеры, церкви, монастыри...

Он прав. Окрестности действительно изумительны. Как можно забыть эффектно подсвеченные сталактиты и сталагмиты длинных подземных пещер? Умом понимаешь насколько это уникально, насколько должно быть неизгладимо... Вот только скорость, с которой тебя прогоняют через вереницу этих причудливых творений природы, толпа, массовость мероприятия – явно не по мне. Поставила галочку – были! Красиво! Может мы просто уже устаем от впечатлений? Пресытились? Мельком услышанные разговоры впечатываются в память намертво, а увиденное стремительно отходит в прошлое.

— Все говорят, что Сванетия – это что-то особенное, другое. Думаешь у нас хватит душевных сил? Жалко потерять такие впечатления из-за этой, внезапно навалившейся ментальной усталости. Может вернёмся в Тбилиси или просто махнём на море? Сколько там до моря? А сколько до Местии в Сванетии? Всего 40 километров? Ты уверен? Тогда почему ехать туда больше трёх часов?

— Вот давай это и проверим! – все эти мои уловки тебе изрядно надоели, да и я уже возвращаюсь к ним по инерции. Я заскучала... Хочется открытий, откровений, озарений! Может и правда, Сванетия...

И ВСЕ-ТАКИ... ДОРОГА НА СВАНЕТИЮ

- Ты боишься собак!

- Нет, не боюсь, но мне неприятно, когда они всюду сопровождают меня и лезут в мою тарелку. Не люблю.

Когда-то ты утверждал, что человек отдавший или оставивший свою собаку - никчемность, вероломно предавший доверие друга. Когда-то... а потом, я подарила себе щенка. Ты уступил моим уговорам, я убедила детей, расписав какое это счастье - собака в доме, но Пес был моим... Он вырос мощным, красивым, слишком крупным, даже для своей породы, на редкость неуправляемым и свободолюбивым.

Я уехала решать какие-то свои заморочки... Семейная жизнь порой не на шутку озадачивает... Какое-то время меня не было дома. Видимо, озверевший за это время пес, проел огромную сквозную дыру в стене, разорвал ковровую дорожку на лестнице в нашей съемной квартире, полностью отбилась от рук.

— Или я, или он... — сказал ты мне в аэропорту, почему-то торжественно вручив букет роз. За семью печатями то, что творилось тогда в моей голове, но расплатилась я своей собакой. Мы вернули его туда, откуда взяли щенком ровно год назад. Тяжело переживая, не глядя друг другу в глаза, избегая вопросов детей, мы, тем ни менее, вздохнули с облегчением. Сейчас всё это кажется таким далеким, как будто и не про нас... Больше о предательствах не было речи, но и разговоры о собаках стали семейным табу.

— Я не боюсь, но мне неприятно. — говоришь ты, каждый раз, когда очередной бездомный пес начинает идти за тобой по пятам.

Дорога на Сванетию лежит через Мингрелию. Зажиточная, ухоженная сторона. Последняя остановка перед подъемом – дворец Дадиани. Часок другой и продолжим наш путь, но... Дворец внепланово закрыт и нам остается только прогулка по парку. Стоит нам вступить на его территорию, как очаровательная дворняга, оторвавшись от многочисленной группы отдыхающих на утреннем солнце соплеменников, пристраивается в двух метрах от твоей

левой ноги. Остальные псы, бросив на нас сонный взгляд, продолжают мирно лежать на гравии перед закрытым дворцом.

Куда бы мы не пошли, наша дворняга следует за нами, вернее за тобой. Мои заигрывания она воспринимает с пренебрежением, а твоё недовольство её навязчивым присутствием явно игнорирует. Останавливаемся – она стоит как вкопанная, садимся на скамейку – она садится, всё в тех же двух метрах от твоей левой ноги, мы, теперь уже ради смеха, делаем круги, и она неизменно следует за нами. Настоящий конвой. Тебя это раздражает, а меня забавляет. – Могла бы – взяла бы её с собой – говорю я, смеясь, и чувствую твой вздох облегчения от этого «могла бы». В какой-то момент собака садится и больше не двигается с места. К моим призывам она остается безразличной, но взгляд, устремлённый в твою сторону, не оставляет сомнений – время расставаться. – Ну наконец-то, — говоришь ты, и только тогда замечаешь, что у нас просто сменился конвойный. Весь парк поделён на границы владений – переходить за эти границы видимо небезопасно. Какое-то время мы продолжаем прогулку по парку с нашим новым сопровождающим, а потом решаем вернуться назад. Наш старый друг, весело махая хвостом, пристраивается по твою левую ногу и провожает нас до самого выхода на стоянку. Его дружелюбие и терпение растопили даже твою суровость. – Жалко, что мы так далеко от дома – говорю я. – И не вздумай! – отвечаешь ты, смахнув улыбку с лица.

Дорога в горы, поначалу, ничем не отличается от прочих, далёких от совершенства дорог Грузии, к которым мы уже привыкли. Постепенно набирая обороты, она становится всё круче, местами совершенно разбита-раздолбана. На таких участках, размытых неожиданным горным потоком, раздробленной камнепадом, ехать приходится с особой осторожностью. Я от ужаса перед стёсанным краем и глубиной пропасти, зажмуриваюсь, а ты, опасаясь взлететь на огромных выбоинах и булыжниках, чертыхаешься. После каждого такого переезда, мы с облегчением переводим дыхание, и я опять начинаю любоваться видами. – Пожалуйста, только не гони – повторяю я снова и снова. Предупредительность встречных машин настораживает – если даже бывалые тут не лихачат, значит есть веская причина ... стоит перевести взгляд вниз и сердце начинает учащённо биться, и как на экране, память в ускоряющемся темпе проносит видения страшные и безысходные.

А вокруг... невероятная голубизна неба, сочная свежесть весенней зелени, ослепительная белизна цветущих крон, фантастические рельефы гор ...

– Вот бы остановиться — перевести дыхание, пофотографировать...

Ты направляешь машину к крохотному выступу на узкой дороге, искусно маневрируя между проезжей частью и началом обрыва.

Пробираясь через кусты, подхожу к самой кромке ...

Сколько раз пытаюсь и всякий раз стираю написанное – слова, доступные мне слова, убивают то сродство на уровне материи, ощущение бесконечной принадлежности и непреодолимое желание растворится в этом воздухе, истечь рекой, затеряться в шорохе листвы... ком в горле, замирание сердца, слёзы, застилают пеленой глаза и, внезапно, надрывное рыдание – вне всяких правил...

Проходит какое-то время, прежде чем я вспоминаю о первоначальной цели нашей остановки и начинаю щёлкать фотоаппаратом, обречённо понимая, что ни один снимок не сможет передать того, что видят мои глаза, от чего замирает сердце и льются невольные слёзы восторга. Говорят, что, попадая в родные места, человек ощущает чудо слияния,

наполняется, подобно Антею, прильнувшему к матери Земле, новой силой... Грузия не моя страна, да и красот на своём веку я повидала не мало... Вот только это впервые... Молочные воды реки, степенно огибающие остров, покрытый всеми возможными оттенками зелёного, заснеженные горные вершины, надежно охраняющие покой этого волшебного места, ослепительное белое цветение деревьев, запахи трав, трели птиц и ласковое солнце, отражающееся трепетными бликами на поверхности воды, под бесконечным небесным куполом...

Место завораживает меня ... я начинаю дышать с ним в унисон, вращать ногами в землю, парить на уровне белоснежных вершин... Ещё мгновение и моё пленение станет свершившимся фактом, точкой невозврата... видимо правы сторожили утверждающие, что Сванетия – это другое... ни на что не похожее...

Мой благоговение нарушается резким, тревожным криком. Ты смотришь на меня из окна машины и в твоём взгляде неподдельный ужас. — Вернись! Скорее! – кричишь ты, указывая на что-то рукой. Оглядевшись, я понимаю, что стою в окружении стаи диких собак. С каждой минутой их становится всё больше и больше. У них нет привычных уже бирок на ушах, хвосты у некоторых из них подозрительно поджаты, клыки приоткрыты, неотрывный взгляд направлен в мою сторону. Ближе всех ко мне вожак. Огромный, непонятной породы пёс, с необычными голубыми глазами и седой, именно седой, шерстью. Между ним и остальными собаками существует какая-то невидимая черта, которую нельзя переходить. Любая попытка пресекается предупредительным рычанием. Наши взгляды скрещиваются и, пытаясь не выпускать его из виду, я начинаю пятиться к машине. Только не кричи – прошу я тебя, — не сей панику. Так глаза в глаза с седым псом, в плотном кольце стаи, я дохожу до машины. Теперь надо осторожно открыть дверь. Вожак останавливает стаю в метре от машины. Этого вполне достаточно, чтобы сесть в машину и закрыть за собой дверь. Как по команде, встав на задние лапы, собаки упираются лбами в окна. Теперь мы с вожаким на уровне глаз. Неужели такое возможно? Ты осторожно давишь на газ, выводя машину на дорогу. Собаки неторопливо опускают свои лапы и пятятся на безопасное расстояние от колёс. Вожак опускается на четыре лапы последним, так и не опустив передо мной глаз. — Он мог бы быть мне другом... – задумчиво говорю я. — Слава богу – проскочили – говоришь ты на выдохе...

Дорога требует внимания. В редкие, свободные от опасностей участки, мы дурачимся и подбадриваем друг друга. Некоторые названия одиноких селений, встречающиеся нам на пути, вызывают у нас смешные ассоциации, горячат воображение, переполняют шутовской изобретательностью.

Мы проезжаем две трети пути, острота восприятия понемногу притупляется и меня начинает клонить в сон. Шипящий, слишком характерный звук нарушает размеренный шум колес – переднее колесо, с моей стороны, неотвратимо теряет воздух, грозя затянуть нас в пропасть.

— Вот оно... не зря меня так страшила эта поездка.

Дорога – сплошные повороты под острым углом, машин не видно, остановиться практически негде – слева, в притык, нависают горы, справа – тонкая кромка над пропастью. Шина уже не шипит, а постукивает по дорожной щебёнке. Атмосфера в машине накаляется, и зловещая тишина повисает между нами. Только не паниковать... К счастью, через какое-то время, на одном из поворотов мы замечаем небольшую площадку между

дорогой и пропастью. Места здесь на одну машину, если не распахивать слишком вольно двери, но это уже что-то. Осторожно съехав с дороги, мы останавливаемся. Сомнений особых нет — колесо в плачевном состоянии, да и мы в растерянности.

— Хорошо, что мы выехали с утра — говоришь ты, пытаешься найти хоть что-то положительное в сложившейся ситуации. На тебе сейчас смена колеса в сложных условиях, на крохотном пятачке земли, где двоим даже стоять негде. Вот оно...

Ты не успеваешь ещё приподнять машину домкратом, как на дороге появляется грузовичок. Остановив его на самом повороте, водитель деловито направляется к нам и, оценив ситуацию, возвращается за своим, более мощным подъёмником. Взглядом отстранив тебя, он меняет домкраты и начинает поднимать машину. Я в это время пытаюсь проследить траекторию полёта нашей машины, в случае, если следующая машина неумолимо врежется в машину нашего спасителя, так беспечно оставленную на самом повороте. Видения увлекают меня, но явно не успокаивают. Вот оно? С противоположной стороны, поднимается тяжелый грузовик. Им не разъехаться. Остановив машину и перекрыв теперь уже нижний поворот, водитель грузовика направляется на подмогу. Всё также молча, теперь уже двое незнакомых нам мужчин, меняют колесо на запаску. Дорога перекрыта. Любая машина, натолкнувшись на машины наших спасителей, по цепочке скинет нас в пропасть... Работают они ладно, быстро и вот уже распрямившись, отряхивают одежду и руки.

— Мадлобт — говоришь ты.

— Ты говоришь на грузинском — оживляются наши благодетели.

— Да, я родом из Грузии.

— Так ты грузин?

— Нет, вообще-то.

— Раз здесь родился и говоришь на грузинском — значит грузин! Это точно!

Теперь это уже душевная беседа равных, понимающих, полная расположения и симпатии. Вот только я продолжаю автоматически рассчитывать траекторию падения. Незнакомый язык ласкает слух, притягивает, но не дарит покоя...

— Далеко нам ещё до Европы... — вздыхают они на прощание — Хорошей вам дороги и не забудьте исправить старое колесо, если конечно это ещё возможно.

Первая машина проезжает немного вниз, давая нам возможность выехать на дорогу, занимает наше место на площадке, затем грузовик трогается с места, кивает первому водителю, освобождает дорогу вниз, и все продолжают свой путь.

— Греет душу — говорю я своему грузину — ты ведь грузин — тебя свои признали!

СВАНЕТИЯ: НАЧАТЬ СНАЧАЛА...

Въезд в Местию нам перекрывает корова... Обычная пятнистая корова медленно бредет по единственной трассе, ведущей в главный жилой пункт Сванетии. Идет она не по прямой, а как-то наискосок, периодически меняя направление и таким образом затормаживая сразу две стороны дороги: в город и из города. Неожиданная вереница машин выстраивается за нами, и мы все, под предводительством местной коровы степенно продвигаемся к центру. Здесь, не попрощавшись, она степенно сворачивает в сквер, и направляется к фонтану утолить жажду.

В самом начале сквера мастерская по починке шин. Судя по количеству машин на стоянке перед ней, такие как мы скорее правило, а не исключение.

Как и ожидалось, наше колесо уже не исправить. Из Тбилиси нам обещают подвезти новое колесо в течение двух суток, а пока нужно завести вещи в гостиницу и сдать машину на ремонт.

Наш всезнающий навигатор в тупике. Звонок хозяйке гостиницы: «Как нам до вас добраться? Мы в самом центре, у сквера»

— Вернитесь к началу главной улицы, по которой вы въехали в город, поверните налево,

проедете большое здание школы, первый мост, потом опять налево, прямо по просёлочной дороге, потом увидите церковь справа на возвышении, потом исторический музей, ещё один мост поменьше, часовню монастыря, дорога тут пойдет в верх, продолжайте прямо, а там я вас и встречу. Поставьте машину у здания полиции.

Как это мы умудрились в этом крохотном районном центре забраться в такую даль?

Оставляем вещи в своём очередном пристанище, окно которого смотрит в уютный дворик с фруктовыми деревьями, пышными цветами и жизнерадостным щенком, ошалело носящимся по насыпи песка, заготовленной для каких-то строительных работ.

Отвозим машину в мастерскую и теперь уже совсем налегке, отправляемся в ресторан, уютно расположенный прямо напротив сквера.

Такой ресторан мог бы быть на любом европейском горном курорте. Современный дизайн, стены исписаны благодарностями и приветами посетителей со всех концов света, под стеклом на столах монеты и денежные купюры всевозможных стран, молодые ребята европейского типа, с привычными, уже не ассоциирующиеся с уголовным прошлым наколками, «моё тело как произведение искусства», обслуживают посетителей с приветливой улыбкой. Небольшая часть ресторана отделена для музыкантов – каждый вечер здесь звучит живая грузинская музыка. На улице терраса со столиками. Полуденное затишье в окружении горных вершин, располагает к праздности, к бокалу хорошего грузинского вина. Торопиться нам некуда, да и незачем. Самое время перевести дыхание и погрузится в причудливый мир местных животных: в сквере, уже знакомая нам, корова-проводник продолжает описывать круги вокруг фонтана, периодически прикладываясь к его целительной влаге, а в непосредственной близости от террасы, целая свора диких собак следит голодным взглядом за каждым новым блюдом, выносимом из ресторана на террасу. Самые отважные, или нахальные, подходят к столу и требуют своей доли – именно требуют, сопровождая свои претензии недвусмысленным рыком и оскалом острых зубов. Иногда им перепадает кусок счастья от сердобольных отдыхающих, но чаще от них просто отмахиваются, и они, на удивление смиренно, ретируются на свою исходную точку. Конкуренция тут большая, да ещё и иерархию приходится соблюдать – всё по правилам. От такой близости этих друзей человека, атмосфера над нашим столиком начинает накаляться. – Мне это неприятно – предупреждаешь ты меня... ещё минута и в мою сторону полетят громы и молнии. Чувствительные к настроениям посетителей собаки, неотвратимо приближаются к нашему столу. Совсем страх потеряли – замечаю я и, на всякий случай, зову официанта.

– Могли бы мы перейти во внутрь? – с вымученной улыбкой, взываю я к пониманию, кивая в сторону раздражённого мужчины напротив себя. Как раз в этот момент два внушительных размеров пса ставят свои лапы на наш стол и официант, привычным взмахом руки отгоняет их с террасы. – Не обращайтесь на них внимание. Просто отгоните пару раз. К сожалению, все столики внутри заняты.

Нам приносят еду и мы, периодически отгоняя настырных дворняг, в полном молчании заканчиваем нашу полуденную трапезу.

Практически каждый день мы ужинаем в этом ресторане (теперь уже заранее заказывая места внутри). Слушаем грузинскую музыку, рассказы бывалых путешественников и наслаждаемся невероятно вкусной едой – современным вариантом грузинской традиционной кухни.

— Жалко, что это так далеко от дома – сокрушаемся мы каждый раз возвращаясь в нашу гостиницу и пытаемся по дороге запомнить названия всех постоянных дворов поближе к центру (посоветовать детям, если они соберутся посетить эти края). Наши сетования не мешают нам наслаждаться прогулкой, заглядывать в открытые всем ветрам дворы с безумными желтыми коврами из цветов вместо привычной травы, перегибаться через шаткие перила моста над мелководной горной речкой, следить дневные перемены света на куполе высоко парящей в небе церкви. ... большое здание школы, первый мост, потом опять налево, прямо по просёлочной дороге, потом церковь справа на возвышении, исторический музей, ещё один мост поменьше, часовню монастыря, дорога в верх, вот мы и на месте...

Здесь нас неизменно встречает лучезарное создание по имени Ано, а порой и сама хозяйка Мария подробно объясняет нам куда пойти, что посмотреть. Статная женщина средних лет, крепкой рукой держит всё своё немалое хозяйство, повелевая многочисленными работниками: вот там целый отряд достраивает ещё одно крыло её гостиницы, а у входа трое молодых ребят мастерят новую светящую табличку с именем хозяйки, которую через два дня гордо водрузят под самую крышу, ещё несколько трудяг обрабатывают внутренний двор, сажают деревья и разгребают насыпь песка, гоняя при этом шаловливого щенка. Внутри гостиницы уборка идёт полным ходом, готовка ужина для постояльцев... Ано смотрит на нее с почтением.

— Это твоя мама, тетя? – любопытствую я.

— Нет, я приехала сюда поработать на летние каникулы. Живу у неё дома и работаю.

— Откуда же ты такая приехала?

— Я из Тбилиси. У нас там совсем нет работы, а мне надо заработать деньги на учебу. У меня мама одна, а нас трое – я и два брата.

— Младшие братья?

— Один младше на год, а другой старше.

— И все на подработках?

— Нет, только я. Братьям мама помогает. Их надо на ноги поставить, а я могу справиться сама. Хочу закончить учебу в Тбилиси, а потом поеду в Европу. Думаю, в Германию.

— Это повсюду в Грузии женщины за сильных, а мужчинам помощь нужна? – ехидно спрашиваю я, едва сдерживая улыбку.

— Ты посмотри на мою хозяйку! – смеётся Ано – без неё тут ничего не происходит. Может и я так смогу.

Странная страна: независимые вольные собаки, сильные, работающие женщины и праздно болтающие на обочине мужики – утром проходим – сидят, днём – на том же месте, вечером – всё те же и ещё прибавилось. Права Ано – «Их надо на ноги поставить».

Всё это кажется чудным, непривычным. Несмотря на очарование и притягательность этого края, это суровое место – почти край земли.

Нам предстоит провести здесь три полных дня, да ещё один день приезда и пол дня до отъезда.

— На осмотр достопримечательностей – этого вполне достаточно – говоришь ты, да вторят тебе бывалые... — Подняться на высоту заснеженных вершин, посетить Ушгули – самое удалённое, расположенное в труднодоступном горном месте селение, живущее по законам кровной мести, да ледник – три полных дня более чем достаточно, если не

приезжать сюда как на горный курорт.

С горных вершин мы и начинаем наш следующий день. Видавшая виды подъёмник медленно приближает нас к месту назначения. После буйного цветения низин, торчащие из бурой земли голые стволы и ветки, прямо под нашими ногами, не вызывают восторга, зато опять пробуждают моё непонятное беспокойство. Чем выше мы поднимаемся, тем сильнее припекает солнце и в наших, специально привезённых для этих мест, куртках становится жарко и неудобно. С облегчением соскочив с подозрительно скрипящих сидений непрерывно крутящегося подъёмника, и не узрев даже подобия снежных вершин, я начинаю сожалеть о потерянном дне. Нам предстоит ещё один рывок вверх, а там... Прямоком из благоуханной весны, мы попадаем в настоящее зимнее царство. Куда ни кинь взгляд, всё белым-бело! Снег глубокий, а из него, невероятными кустами, устремляются в небо... берёзы. Они растут необычно, как будто множество деревьев прорастают непосредственно из земли, а от одного мощного корня. Не будь они такими высокими, их с лёгкостью можно было бы принять за кусты. Их белоснежные стволы и ветки, без единого ещё листика в это время года, сливаются с безупречной белизной снега и рождают фантастическую картину снежного покрова, высоко вскидывающего свои тонкие длани к небу.

Самый узнаваемый образ Сванетии – это её башни. Возвышающиеся высоко над землёй, совершенно одинаковые на вид, они представляют собой знак рода. Их значение до сих пор вызывает споры. Кто-то утверждает, что это смотровые вышки, но, при всей своей высоте, они уступают высоте гор – о враге, идущем из-за горных хребтов, с них не предупредить. Другие говорят, что это продуктовые хранилища. Погода здесь суровая, не сделаешь запаса на зиму – будешь голодать. Правда, складским помещением служит только один этаж башни, а этажей там много больше. Возможно здесь можно переждать опасность, спрятавшись всей многочисленной семьёй, или укрыться в уединение, от всё той же многочисленной семьи, например, молодожёнам. За время нашего пребывания в Грузии, мы слышали много теорий, объяснений, предположений. Эти стройные великаны, устремлённые ввысь, завораживают многих и не только в Сванетии... Есть у них ещё одна особенность, граничащая с мистикой... Их невозможно разрушить. Их можно повалить на землю, целиком, но и тогда, они останутся невредимыми. Символ рода – символ вечности. Как ни различались внешне эти множества берёз, произрастающих из одного мощного корня, с рукотворными сванскими башнями, в моём воображении они слились в одно – выживание в этих местах, испокон веков, зависело от семьи, от её сплочённости, от раз и навсегда установленной традиции.

2350 метров над уровнем моря. Справа от подъёмника площадка для туристов и лыжников, громкая западная музыка. Многоязычная публика, нежась под яркими лучами весеннего солнца, попивает вино, щелкает фотоаппаратами... А слева... звуки неожиданно обрываются. Безграничный снежный покров, устремлённый в небо стволами берёз, безлюден. С первых же шагов, мы проваливаемся почти по колено, да так и застываем с произвольной улыбкой на губах, обратив свои взоры навстречу солнцу, небу и медленно проплывающим облакам. Последние, низко паря над горными вершинами, сливаются со снежным покровом и обволакивают лёгкой дымкой тонкие стволы деревьев.

Сняв куртки, утопая в снегу, мы пробираемся вперёд. За нами только наши следы, а впереди девственная белизна. Начать сначала... с белого листа...

Опрокинутся навзничь на снег... Прикоснуться друг к другу ладонями... Воспарить до самых облаков... Забыться в невесомости... в бесконечности... в безбрежности...

— Вставай! Ты так простудишься – говоришь ты.

... и окунуться в далёкое... в детство... в очарование запретного...

Вечером, в ресторане, где нам рады как старым знакомым, мы внимаем рассказу бывалого путешественника. Его голос перекрывает звуки музыки и притягивает внимание почти всех сотрапезников. Из Бельгии, почти наш сосед, уже три месяца колесит на своём вездеходе по свету, пересекая множество стран. Путешествует он с подругой, которая взирает на него взглядом полным любви и обожания. Ещё с ними маленькая собачка, которую они не отпускают с поводка, опасаясь местных собак. Его рассказы вызывают невольную зависть, перечень стран впечатляет, обожание подруги умиляет. Все вокруг доброжелательно качают головами и одобрительно цокают губами.

А меня, как черт попутал. Он мне видится эдаким комичным гонщиком в кожаной куртке, со шлемом и большими очками. Ну помните, как в том фильме? Настоящая антитеза миру, в котором мы находимся в тот момент. Разговор большей частью идёт о качестве дорог и еде. Выходя из ресторана, с неожиданной симпатией бросаю взгляд на местных собак. Из этих мест так просто не уходят, на плохие дороги не сетуют, женщинам не до обожания и восторгов... жизнь по векам установленному порядку ... Почему меня так манит этот край? Что мне в его суровости? Где моя хваленая жажда свободы?

Долгая, уже привычная дорога до гостиницы располагает к раздумьям. ... большое здание школы, первый мост, потом опять налево, прямо по просёлочной дороге, потом церковь справа на возвышении, исторический музей, ещё один мост поменьше, часовню монастыря, дорога в верх...

Наверно это неспроста, что мы живём так далеко от центра...

ВЫСОКО-ВЫСОКО, НА САМОМ КРАЮ СВЕТА... УШГУЛИ

На следующее утро за нами приезжает небольшой, видавший виды минибус, и мы отправляемся в Ушгули. Дорога туда сложная, намного опаснее той, по которой мы приехали в Сванетию, так что, волей-неволей, приходится брать организованную поездку. Наши попутчики – это, явно озабоченная чем-то, компания москвичей и двое молодых поляков. Последние, расположившись на задних сидениях, с беспокойством взирают на чрезмерно перевозбуждённых россиян. Девять часов утра и поездка в горы оказывается требуют особой подготовки – достаточного спиртного запаса. У них уже есть изрядное количество оно, а вот закуски нет. Посему они настойчиво требуют от водителя войти в их положение, и начать поездку непременно с продуктовой лавки. Водитель, молодой парнишка, чуть за двадцать, покорно соглашается и, повернув направо от нашей гостиницы, в отличие от привычного уже нам поворота налево, через каких 200 метров останавливается у требуемого объекта. Беспокойная компания, в полном составе, устремляется во внутрь. Через четверть часа, ещё в более возбужденном состоянии, они возвращаются, неся целлофановый пакет с четырьмя крупными помидорами и с ещё шестью пластиковыми, двухлитровыми бутылками грузинского, домашнего вина. Это производит неизгладимое впечатление на наших соседей из Польши (достаточно молодых и потому не владеющих русским) и они, явно смущаясь, обращаются к нам на английском,

пытаясь понять на какой срок предназначен весь этот запас. Семь москвичей, не оставляя ни малейших сомнений в своих намерениях, начинают разлив ещё до того, как наш водитель Заза успевает опустить ручник и нажать на газ. Помидоров у них на редкость мало, а выпивки на редкость много. Мучаясь дурными предчувствиями, я мельком замечаю, что, едва отъехав от лавки, мы оказываемся в самом центре Местии, плавно обогнув, так приглянувшийся нам ресторан. Не отвлеки наше внимание стремительно дуреющая компания, нас бы это наверняка озадачило, а так... Четыре женщины расположились парами по левую сторону машины, а трое мужчин заняли одиночные места справа. На самом первом месте, в непосредственной близости от водителя, распластался, буквально растёкся по стулу, внушительных размеров мужчина, лет тридцати плюс. Он распределяет вино и помидоры, при этом нарочито громко вещает, требуя постоянного внимания, балагурит, заходится от хохота, пребывая в полном восторге от самого себя. Его друзьям это тоже по нраву, а его подруга (как выясняется позже) тощая и высокая, как жердь, смотрит на всех вокруг победоносно: МОЁ! Особое удовольствие ему доставляет приставать к Зазе, «тыкая» и задавая провокационные вопросы. – А ведь небось ты скучаешь по вашему Сталину? У тебя тут хотя бы десятилетка есть? Небось, без туристов из России, вам тут совсем кранты? Заза отвечает на редкость спокойно, но больше помалкивает. На особо опасных участках дороги, вопросов становится больше, пьяный голос ещё надменнее и во мне неумолимо пробуждается зверь. – Убила бы! – говорю я в сердцах. – Оставь, не обращай внимания – усмиряешь меня ты. Чем больше они пьянеют, тем больше накаляется обстановка внутри минибуса. В какой-то момент они начинают требовать поставить диск с их разухабистой музыкой. Заза, мельком взглянув на нас, в переднее зеркало, терпеливо объясняет, что у него не на чем её проигрывать. Дорога такая, что порой кажется будто колёса с одной стороны висят в воздухе, подъёмы и спуски под опасным углом, значительно перемещают нас в пространстве минибуса и, отвлекающие вопросы этой омерзительной компашки, заставляют не на шутку тревожиться за нашу безопасность. Наш молодой водитель умудряется выполнять свою работу спокойно, не попадаясь на провокации, не опускаясь до их уровня. За окнами то слепит яркое солнце, то накрапывает дождь. Запасы выпивки, к счастью, подходят к концу, и возмутители порядка начинают клевать носом. Музыка, выбранная Зазой, греет душу, и мы благополучно добираемся до места назначения.

Высоко-высоко, на самом краю света...

Разудалая компания, так же как и двое ошарашенных ею поляков, исчезают, словно растворившись в горном воздухе. – Какой-то дурной сон – бормочу я, с облегчением и удивлением одновременно. И ещё раз поражаюсь тому, как часто в Грузии, инородная, суетная, шумная реальность сменяется покойной, величавой тишиной, вечностью ... Гость желанен, но не всякому дано проникнуть в святая святых. Из тишины возникают заснеженные горные вершины, тянущие свои берёзовые длани навстречу небу и солнцу, из тишины проистекают журчащие горные ручейки и в полном безмолвии несут свои воды молочные реки. Тишайшим шагом к тебе подкрадываются дикие псы и смиряются одним лишь молчаливым взглядом. Вот и сейчас, миг тишины... и перед нами возникает древнее селение, пронизанное нерушимыми сванскими башнями, нагромождением жилых построек, по преданию, сохранившихся ещё с IX века нашей эры. На фоне нежнейшего цветения ранней весны, снег, толстым слоем лежащий у самых ворот одного из жилищ,

кажется непрошенным гостем, вытряхнутым кем-то наружу. Торчащая из него пустая бутылка пива, только усиливает это видение. Чажаша – это одно из четырёх поселений, вместе составляющих горное селение Ушгули. Три остальные расположены чуть ниже, нам видны их дома, передвижение людей, лошадей...

Здесь же, всё больше похоже на музей под открытым небом: древняя архитектура, скученность, подчинённость горному пейзажу, руины, подслеповатые окна вросших в землю домов, покосившиеся ступеньки, сломанные перила... живут ли тут? Стоит мне задуматься, как дверь полуразрушенного дома открывается и из неё весело выбегают два мальчика. Одному не больше шести, а другой чуть постарше. В руках у одного самокат, а у другого детский велосипед. Они терпеливо ждут у дверей, пока не показывается их отец. Он протягивает руку младшему и помогает старшему приспособить на плече велосипед – по этим ухабинам прокатиться на нем невозможно, а вот там внизу, видимо, да. Женщина в фартуке показывается на пороге и даёт последние наставления сыновьям и мужу. Потом она исчезает в дверном проёме, а отец с детьми, весело болтая, спускаются вниз. Я опять стою перед полуразрушенным жилищем и пытаюсь представить какого это жить здесь. История гласит, что люди тут селились испокон веков... с тех пор и хранят они древний закон – закон родовой чести, поддерживаемый кровной мезтью. Закон непреклонен – преступивший должен умереть, а пришлые тут редки. Вот только туристы... Их принимают вежливо, но холодно... так предупреждают в путеводителях. Нам навстречу выходит мужчина средних лет. Разговор завязывается очень легко. Работает полицейским, родился здесь, как и вся его семья, уезжать никогда не думал. – А знаете, у нас здесь самые вкусные огурцы на свете. Все так говорят, хотя кроме них у нас мало, что растёт... разве только картошка, морковь... всё приходится привозить из центра, из Местии. Правда зимой тут такой снег, что ни одна машина сюда не доберётся. Если кто заболел – это просто беда. Тут от села к селу не добредёшь порой. Была у нас тут как-то одна врач – вышла замуж за местного, вот она одна нас зимой и спасала. Уехала... не выдержала... Мало нас тут осталось. Раньше было раза в два больше...я ещё помню. Уезжают редко...если только на учебу, да на войну...

Он подводит нас к небольшой постройке, почти наполовину вросшей в землю, предлагает зайти на службу, рассказывает о чудотворной иконе, над которой дают клятву на родовом суде: виновен – невиновен, а дальше по законам гор...

Кроме нас троих вокруг никого не видно, а вот единственное помещение церквушки неожиданно полно людьми. Мы тепло прощаемся с нашим неожиданным гидом и продолжаем свой путь в тишину откровений. Разреженный воздух гор, величие их вершин, суровый, лишённый всякого привычного уюта, уклад местной жизни, погружает в странное оцепенение...

Погода постепенно начинает портиться. Бредём дальше, преодолевая рытвины, сугробы, подъёмы и спуски по скользкой земле... накрапывает дождь. В поисках укрытия, оказываемся под каким-то навесом и обнаруживаем, что мы тут не одни. Мужчина средних лет, турист из Питера, хорошо образован, многим интересуется, о многом начитан. Ведём приятный разговор об истории Грузии, сравниваем уклад жизни в разных частях света в IX веке... Европа, Россия, Грузия, Ушгули... Наша интеллектуальная беседа прерывается отборным матом, судя по голосу, исходящему из уст более чем юного создания. Значение фразы не замысловато, в переводе на простой разговорный прозвучало бы как: «Где ты

мама? Пойдём уже дальше!» Вот только в оригинале, эта фраза была расцвечена таким количеством соединяющих слов, что нам оставалось только дружно присвистнуть, от неожиданности. Наш собеседник, нимало не смущаясь, сообщил, что это его сын-шестилетка с женой — приучаем ребёнка к путешествиям...- пояснил он при этом Мы оба попытались убедить себя, что нам это просто померещилось в завывании ветра, а посему, как ни в чём не бывало, продолжили нашу увлекательную беседу до того самого момента, когда её также неожиданно прервал ответный зов матери малыша. Ребёнок самостоятельно поднялся на довольно высокую вершину, дождь усиливался и крутые склоны этой вершины стремительно покрывались водными потоками. Именно об этом и сообщала малышу мать, требуя немедленно спуститься вниз, обращая к нему на уже знакомом нам диалекте, демонстрируя богатейший лексикон и свободное владение словом. Речь нашего собеседника продолжала оставаться академически чистой и безупречной, знания поражали своей широтой, а мы с трудом сдерживали душащий нас смех.

Забавное семейство растворилось в тумане, и мы опять были предоставлены себе. Больше всего тянуло сесть на траву склона и погрузиться в молчаливое созерцание. Это место трудно было назвать уютным или ухоженным. Всё вокруг поражало скудностью, обшарпанностью, запустением, но было что-то ещё, что заставляло смотреть на это не с жалостью, не с сожалением, а с каким-то непонятным уважением и даже восхищением. Хотелось примерить на себя этот суровый быт, эту отдалённость от всего света, это смиренное приятие... Исполинское величие, сродни Сванским башням, заставляло выпрямить спину, глубоко вдохнуть горный воздух и застыть, презрев морозящий дождь, неумолимо текущее время и надвигающуюся темноту. В дверях-проёмах покосившихся, вросших в землю жилищ, иногда появлялись люди. Почему-то это казалось странным, невероятным... почти волшебным...

В назначенное время мы спустились к нашему минибусу. Кроме Зазы около него никого не было. По плану нам ещё предстояло подняться чуть выше к самой высокогорной церкви, но наши попутчики явно опаздывали. Как объяснил нам Заза, двое мужчин из Польши решили остаться в этих краях на несколько дней, а вот россияне исчезли, как будто их земля поглотила: никто их не видел и, что удивительно, даже не слышал. В его голосе слышалось отчаяние. Ещё немного и начнут спускаться сумерки, непрерывно морозящий дождь неумолимо размывает дорогу, его машина без необходимого веса, без пассажиров, по такой дороге не сможет подняться вверх, да и вниз лучше ехать полной машиной, чем пустой. — Если это место так популярно и даже занесено в уникальные, охраняемые места Юнеско, почему здесь не могут сделать нормальную дорогу? — пытаемся мы разрядить вопросами нарастающее беспокойство нашего водителя.

— Вот именно по этой причине и не строят... чтобы не нарушить уникальность... о людях, в таких случаях, никто не думает. Европейцы и противятся строительству нормальной дороги... охраняют историю.

Около нас, резко осадив гнедого коня, возникает необычный всадник: Тетенька, дяденька! Не хотите прокатиться?

Всаднику на вид не более пяти лет. Ладный, круглолицый с огромными голубыми глазами... чуть поодаль, на поводке у него ещё один конь — для туристов.

— А вот и наша звезда — представляет его Заза. — Вы ещё не успели посмотреть фильм об

этих краях? Художественный, но снимался прямо тут, и многие жители принимали участие в съёмках. А этот вот горец у нас там на главных ролях, правда тогда он был совсем маленьким.

Поняв, что с нами у него ничего не выгорит, он продолжает своё неизменное: «Тетенька, дяденька! Не хотите прокатиться?», лихо маневрируя между туристами из других групп. Порой кто-нибудь да соглашается, и тогда он серьёзно, по-взрослому, помогает им взобраться на второго коня, а то и сразу на двоих, уступая своего, и деловито вышагивает по размытым дорогам Ушгули, ведя под уздцы коней с умиляющимися и, отчего-то смущёнными, седоками.

Узнав, что ты родом из Грузии и говоришь на грузинском, Заза переходит на родной язык, предварительно испросив моего согласия, а я записываю вашу беседу на видео – так, для потомков... на память.

Время идёт, а наших возмутителей спокойствия всё нет и нет. – Если тут есть какое-то питейное заведение – они скорее всего там, высказываем мы предположение. Заверив Зазу, что непременно их отыщем, отправляемся в единственное здесь заведение общепита, в ту деревню, что маячит на дальней вершине.

— Ой, а вот и вы! – умильно лопочет вся честная компания. Они уже дошли до стадии всеобщей любви, но видимо потеряли естественную способность передвижения. – А чего вы там видели? – с нескрываемым интересом спрашивают они. – А не выпьете ли вы с нами?

— Скажите, а вам не мешает, что вас уже час как ждут? – в тон им спрашиваю я, с трудом сдерживая желание сказать нечто совсем иное. Они пытаются подняться, но им это даётся с трудом. Приходится подгонять и увещевать. Дождь тем временем усиливается, холодный ветер дует в спины, и подгоняемые им, они несутся вниз под откос, для согрева, горланя благим матом. В машине, немного отогревшись, они опять начинают приставать к Зазе, останавливая машину на крутых поворотах, для того чтобы облегчить свои мочевые пузыри, или утолить непреодолимые рвотные порывы. К счастью, утомившись от трудов праведных, они впадают в глубокое алкогольное забытие, и мы благополучно доезжаем до нашей гостиницы.

Заза, несмотря на наши возражения, возвращает нам часть денег за поездку, просит прощения за то, что не показал нам церковь и берет с нас слово, что, когда бы мы ни приехали опять в эти места, разыщем его и он отвезет нас в любое место, без всякой оплаты. Оставшиеся россияне, продолжают выпаривать алкогольные пары и сотрясают машину богатырским храпом...

Ушгули начинает казаться миражом, Местия – почти столичным городом, и тут мы вспоминаем о нашем невольном открытии утром того же дня. Как давно это было... Осознание того, что мы всё это время, накручивали километры, и сетовали на отдалённость нашей гостиницы от центра, но так и не догадались, что живём в САМОМ центре, что соседний дом и есть наш любимый ресторан, просто с другой стороны, что и кинотеатр около нашего жилья и полиция находятся в месте, центральнее которого и быть не может...

Это было необъяснимо, загадочно, как бы нарочно задумано... Знай мы с самого начала, что всё необходимое нам находится за углом, мы так бы и не увидели ни церкви, парящей над городом, ни безумных желтых ковров местных дворов, ни школы за рекой, ни самой реки, несущей свои воды с гор в далёкие долины внизу, ни одинокой колокольни монастыря... Наскоро поужинав в любимившемся нам уже ресторане, всё ещё прибывая в шоке от такой дезориентации, мы отправились на последний сеанс единственного в городе кинотеатра, в котором показывают всего один фильм, тот, о котором поведал нам Заза...

«ПОСЛЕДНИЙ ДОМ В ДЕРЕВНЕ ОДИНОК...»

Как они там живут? Суровый край, скудный быт, отдалённость от всего, жестокий, безжалостный закон, замешанный на крови... Сегодня, как и сотни лет назад... Почему не покидают этот край? Рожают детей, влюбляются, соблюдают традиции... а может всё-таки, бунтуют? Всего каких-то нескольких десятков километров и законы жизни уже проще, не простые, не столичные, не западные, но уже свободнее, легче, уютнее... Что держит этих людей там? Как они живут? Выживают? В холодные, заснеженные зимние времена, когда и носа из дома не покажешь, когда снег заваливает входы в лишённые всякого удобства дома? Возможно ли, что хорошую дорогу им не строят, стараясь сохранить аромат старины и подлинность, неподвластную времени? Бог им судья, тем, кто ради этой самой притягательной для туристов аутентичности, держит людей в заложниках... Но возможно это совсем и не так. Возможно, не их держат обособленно, а они не желают сливаться с остальным миром, сохраняя свой уникальный быт и уклад?

Необычные глаза юного всадника путают все мои мысли. Заза говорил, что у многих жителей Ушгули такие голубые глаза, непривычные для южных народов, для Грузии. Может они и вправду совсем иные?

Единственный кинотеатр находится прямо около нашей гостиницы, что ни говори – центр! На первом этаже небольшое домашнее кафе. Кроме нас тут ещё две женщины в ожидании

последнего сеанса. С удовольствием попивая горячий шоколад, я пытаюсь представить, где же в этом крохотном здании может располагаться зрительный зал. Судя по размерам кафе, комната наверху совсем небольшая, метров 15 максимум. Мои размышления прерывает приглашение подняться наверх, где я окончательно убеждаюсь в правильности моих расчётов. Комната размером с небольшую спальню, на одной из стен растянута рулон белой бумаги, кое-где прибитый к стене небольшими гвоздиками. На противоположной стороне, на тумбочке стоит переносной прожектор, а в пространстве между этими атрибутами кино, на полу разбросаны десять внушительных тюфяков. Есть ещё несколько покосившихся стульев, но они тут явно не в почёте. Пока нас только четверо, смущённо переглядываемся и пытаемся как можно изящнее приземлиться на предлагаемые сидения. Через пару минут появляется ещё один зритель. Он вежливо извиняется за опоздание, но затем, столкнувшись с необычной реальностью, кулем плюхается на один из тюфяков. Комната погружается во мрак, и начинаются первые кадры фильма. Немногочисленная публика, почувствовав себя вольготней, сползает с сидячего положения на лежащее, и мы оказываемся в той же самой деревне, где были этим утром.

История девушки, стремящейся жить, вопреки вековой традиции, следуя зову сердца. История трёх любящих её мужчин... Нелюбимого жениха — того, кому она обещана по договору семей. Любимого — фронтового товарища её жениха, спасшего его от неминуемой смерти и, по неведению, влюбившегося в его же невесту. И последнего — беззаветно любящего, мечтающего о ней с детских лет. История любви, чести, смерти, материнства, преданности... на фоне закрытого, обособленного мира, живущего по суровым законам предков. Здесь нет злодеев, предателей, злопыхателей — только твёрдые, незыблемые рамки традиции. Кроме главных героев, большая часть актёров — местные жители. Они не играют, а проживают свою жизнь под прицелом камер, в своих домах, в привычном быту, следуя неизменным обрядам и верованиям. Как они там живут? Видимо именно так. Сурово, скудно, даже убого, на взгляд западного, благополучного зрителя, привыкшему к достатку, к уюту. Но магическая притягательность таких закрытых обществ наверно потому и будоражит воображение, что внутри них происходит такая же жизнь, со всеми знакомыми страстями, эмоциями, страданиями... Можно попытаться восстать, можно наверно просто уйти. Вот только уходить никто и не пытается... Жить по своей внутренней правде, отстаивая свои права и защищая свои желания, не разрывая вековую ткань собственной истории. Ох, как это не просто...

Утром мы были там — взгляд снаружи, вечером — мы оказались внутри. Это ощущение сродни мистики — загадай желание, задай вопрос и... как они там живут... Знакомый нам наездник здесь и правда совсем малыш. Видимое на экране плотно примыкает к видимому наяву, превращая тебя в неотделимую часть реальности, предыстории... — Дяденька, тетенька! Не хотите прокатиться? — звучит в ушах совсем по-иному, да и дом, из которого вышли утром отец с двумя мальцами, а вечером впустивший нас во внутрь — это уже не просто исторические свидетельства древних времён... они так живут...

Изображение на экране гаснет, зажигается свет, а мы, все пятеро зачарованных, продолжаем лежать на тюфяках. Смущённо переглядываясь, пытаемся принять стоячее положение — как же мы неуклюжи в этой суровой реальности?

На улице уже совсем ночь, окружающее выглядит незнакомым, лишённым привычных

ориентиров. Наше жильё в такой близости от кинотеатра и центральной площади кажется чужим, да и мы сами себе внове...

- Поедем завтра на ледник? - прерываешь ты затянувшееся молчание.

- Посмотрим... - медлю я с ответом, и строки всплывают в моей памяти, заполняя её без остатка, заставляя произносить их снова и снова, говорящие мне что-то очень важное, то самое, ради чего мы приехали сюда, то, что вызывало во мне беспокойство и страх, то... ради чего, наверно, и стоит предпринимать любое путешествие...

Последний дом в деревне одинок,
Как будто он последний в мире дом...

На утро, едва доехав до местного аэропорта, мы решаем оставить машину, как и идею посетить ледник, и отправляемся в долгую прогулку по окрестным деревням. Аэропорт, которым так гордятся местные жители – это одна взлетная, она же и посадочная полоса, в начале которой находится крошечное, но очень новое здание-навес. В весенне-летний период сюда прилетает почти игрушечный самолёт и забирает желающих попасть, как можно быстрее, в пригороды Тбилиси. Очень быстро и удобно, если не подкачают метеорологические условия: дождь, снег, ветер... Напротив аэропорта протекает горная речка, с размытыми краями и большими валунами, которые значительно затрудняют её течение. Через небольшой мост переходим на другую сторону. Как из-под земли перед нами выстраивается шеренга коров, и невольно подстраиваясь под их размеренный шаг, мы ступаем на деревенскую улицу. Воскресенье. Взрослых почти не видно. Невероятная тишина. Вот там, в глубине двора, два малыша играют с телёнком. Старший протягивает ему пучок травы, а младший мешает, пытаясь отвлечь его внимание. Телёнок поворачивается то к одному, то к другому и между малышами разгорается спор. Старший, лет пяти, крепко прижимает к себе голову телёнка, а младший с громким плачем бежит по направлению к дому. Во дворе на противоположной стороне, старик, не по сезону тепло одетый, качает на качелях девочку-внучку. Заметив нас, он приветливо машет рукой и приглашает зайти, позавтракать. Малышка на качелях заливается звонкими колокольчиками от каждого взлёта вверх, дед упивается её смехом, а мы, понаблюдав издали и поблагодарив за приглашение, бредём дальше. На следующем дворе, взявшись за руки три девочки вприпрыжку бегают по траве. Издали за ними наблюдает малыш с игрушечным грузовиком в руках. Он неотступно следит за ними взглядом, а они делают вид, что не видят его, а может и правда, им нет до него никакого дела. Вдруг одна из троих резко отпускает руку подруги, так, что две другие с трудом удерживают равновесие, и опускается на корточки, с удивлением разглядывая что-то в траве. Высоко подпрыгивая от счастья, она бежит к своим подругам, и они все втроем склоняют свои головки над невидимой нам находкой. Малыш с грузовиком, так и не сдвинулся с места, забыв про свои мальчишеские игры, а девчушки, высоко задрав головы, изо всех сил дуют на одуванчик, принесённый восхищённой подругой. Каждый двор – это очередная сценка, калейдоскоп пасторалей. Жизнь, некогда знакомая, но утерянная, забытая. Жизнь на другой планете, где касания теплы, а в глазах отражаются травы, деревья, цветы и, главное, глаза тебе подобных, где детей и животных по вечерам зазывают домой, где пение птиц

вплетается в несмолкаемое журчание реки, оглушая небывалой тишиной и покоем. Во дворах всё больше старики или малые дети, видения понятные без слов, будоражащие, умиляющие и грустные одновременно...

Последний дом в деревне одинок,
Как будто он последний в мире дом.
Дорога в ночь ушла, и даже днём
вернуть её назад никто не смог.

Единственная деревенская дорога длинная, прямая. Мы идём молча, останавливаясь перед каждой очередной ожившей картиной, а я твержу и твержу про себя строки Рильке, которые здесь для меня приобретают совсем иное, дословное значение. – Ты позволишь, я буду повторять их вслух? – прошу я тебя – Мне это необходимо. Они заполняют всё моё сознание, питаюсь видимым, и рвутся наружу:

Деревня – это только переход
меж двух миров, там время не течёт

Следуя горному рельефу, деревенская дорога поднимается наверх, где ей перегораживает путь Сванская башня, дорога огибает её почти вплотную и ведёт дальше... направо двор, налево двор... Горный ручей, отбившийся от основного потока, перерезает ей путь. Три больших валуна служат переходом через него, а чуть поодаль, на небольшой поляне, в тени трёх берез, пасутся две лошади и жеребёнок. Дорога уводит всё дальше и дальше. Деревни сменяют одна другую, соединенные ею, разъединённые ею, ведомые ею...

...и многие пытаются уйти.

Вдалеке, у порога одного из домов, несколько молодых мужчин ведут оживлённую беседу. Ещё дальше видны женщины, гордо несущие кастрюли со стряпнёй и кошелки с продуктами. И те, и другие празднично одеты и возбуждены в предвкушении воскресной трапезы. Они приветливо улыбаются нам. Их голоса на время перекрывают рокот реки и щебетание птиц. А затем, тишина становится ещё пронзительнее... звенящая тишина...

... Деревня – это только переход
меж двух миров...

Как долго мы бредём, ведомые дорогой? Сколько раз я повторяю знакомые строки, пробуя их и так, и эдак, на звук, на вкус, на вид... Они отсюда, должны быть отсюда, даже если в этом нет никакого географического смысла... Они отсюда, потому что здесь всё так истинно и просто, без прикрас, вне времени и пространства, надо всем...

... здесь время не течёт...

Как далёк этот мир от всего привычного... и как знаком... Деревня за деревней, будь то на вершине или в долине, открытая всем ветрам или в сени деревьев, притулившаяся к густо стоящим башням, утопающая в белых кронах, обмываемая серебристым ручьём... Над

всеми нависают заснеженные вершины гор...

В том дворе жёлтый ковёр из цветов был особенно густым и необычно высоким. Женщине, медленно бредущей по нему босиком, он доходил почти до колен. Её взгляд скользил по белоснежным кронам фруктовых деревьев, обнажённые руки нежно касались цветущих ветвей, поглаживая и лаская, порой, обхватив несколько ветвей сразу, она прижималась к ним щекой и застывала, вдыхая терпкий аромат весны. Её неспешная походка напоминала старинный танец со сменяющимися партнёрами. С ней танцевали деревья и неотступный, верный пёс, и пушистый белый щенок, путающийся между ног, и живая гладь безумно-желтого ковра из цветов. Солнечные блики проникая сквозь густую крону, создавали причудливые рисунки из света и тени, трепетные и изменчивые по воле лёгкого, весеннего ветра. В просветах между крон, женщина останавливалась, запрокидывала голову навстречу солнцу, прикрывала глаза, и блаженная улыбка разливалась по её лицу. На другом конце сада был большой деревянный навес. Большая его часть была заполнена заготовленными на зиму дровами. На свободном от них пространстве, стоял грубый, некрашенный стол с отрезом цветастой ткани и множеством всяких портняжных разностей. Под столом дремал огромный, непонятного цвета кот, а в глубине, поражая неожиданным, кружевным изяществом, пристроилась старинная швейная машина с ножным приводом. На противоположном конце навеса, почти вплотную к сетке забора, около которого стояла я, побитый временем и всякой живностью, массивный комод был предоставлен в полновластное владение девочки-дочки. Чего тут только не было? Деревянная мебель для кукол, металлическая утварь, кусочки ткани, клубки ниток, даже кукольная швейная машина и деревянные лошадки... Целый музей игрушек прошлого... куклы, давно забытые куклы с матерчатыми телами и фарфоровыми головами, с широко распахнутыми глазами и длинными спутанными от времени волосами... всё потёртое, отбитое, погнутое, поржавевшее и такое драгоценное, тёплое, живое... Ни женщина, ни девочка, погружённые в свои миры, не обращали на меня внимания (ты ушёл дальше, а я так и осталась, не в силах оторваться, смахнуть видения, видимое). Девочка хлопотала по своему всамделишному хозяйству и вела оживлённую беседу с куклами, время от времени теребя ленивого кота. Женщина, насладившись своим садом, с улыбкой подошла к ней, серьёзно выслушала её отчёт о поведении куклы-дочки, попробовала дочкину стряпню из прохудившейся старой металлической тарелки и, всё ещё улыбаясь, легко переместилась к своей швейной машине. Девочка, присев на низкий порог навеса, принялась укачивать свою куклу-дочку, напевая незамысловатую мелодию колыбельной, пушистый щенок наконец-то угомонился около её ног, ритмичное цоканье привода швейной машины отсчитывало убегающее куда-то время, а солнце и ветер продолжали творить волшебные узоры на желтом ковре...

... здесь время не течёт...

Строки стихли в моей голове, тело отяжелело и ноги корнями вросли в незнакомую землю. Опять тот же покой, который сковал меня там над рекой, в первый день в Сванетии, сразил меня. Точка невозврата была близка как некогда и ... это было невероятно приятно, важно и желанно...

— Иди сюда – твой голос, как всегда, вернул меня к реальности – там есть развалины, похожие на средневековые замки. Откуда это здесь?

Нехотя покидаю своё укрытие. Правда, похоже на средневековые развалины, где-то там в другом мире, в том из которого мы приехали...

— Я знаю, чего мне правда следовало бояться... Помнишь, я говорила тебе о каком-то подспудном страхе, ещё до отъезда? Я боялась аварий, катастроф, чего-то страшного, что может с нами случиться... Меня не обмануло предчувствие, но я его не поняла. Мне бы хотелось остаться тут навсегда... Как та женщина в саду... посадить свой сад, шить незамысловатые платья, растить детей... писать истории в маленькой комнате с открытым окном, смотрящим в сад... вдыхать ароматы цветов, греться у камина длинными зимними вечерами, готовить пряную пищу для своей семьи...

- Ты не забыла про домострой? – усмехаешься ты - Суровый закон и всё такое прочее, далёкое от твоей главной страсти - Свободы? Ты всегда утверждаешь, что любые традиции тебя угнетают и душат...

- Не знаю... ты прав... но почему-то здесь, мне это кажется благом и душа моя готова принять все это, без всяких оговорок. Свобода – это тяжкое бремя... наш мир слишком суетен и быстротечен... в нём столько мишуры, мимолётных желаний и целей. Мы проживаем виртуальную жизнь, и цветы в этой жизни лишены запаха... Там, где мы живём, я чувствую себя сродни деревьям, изо всех сил, тянущихся в небесную даль, но не способными пустить нигде глубокие корни. Любой порыв ветра вырывает их из земли, и они лежат поверженные и никому не нужные, разве что годные на дрова... выгореть, прогореть и исчезнуть... мне нравились эти сравнения... они придавали жизни какой-то смысл, жестокий, безысходный, но смысл... Здесь... мои ноги глубоко врастают в землю, мне совсем не хочется тянуться в высь, высота гор восхищает меня и я, с благодарностью, готова подчиниться ей, пустить глубокие корни, обрести добротный ствол и возвестить о себе миру белоснежным цветением, низкорослых плодовых древ...

Боюсь, мне не уйти от этого края... Телом, возможно, да... а вот душой...

Последний дом в деревне одинок,
Как будто он последний в мире дом
Дорога в ночь ушла, и даже днём
вернуть её назад никто не смог.

Деревня – это только переход
меж двух миров, здесь время не течёт
и многие пытаются уйти.
И потому скитается народ
или безвестно гибнет на пути.

Рильке (перевод В.Куприянова)

ПОСЛЕДНИЙ ФОКСТРОТ С ТБИЛИСИ...

Дорога с гор до Тбилиси дело не шуточное. До Сванетии мы добирались с остановками, ночёвками, экскурсиями, а сейчас просто один прогон от Местии до столицы.

Мне уезжать не хочется... правда, затянуло и щемит что-то внутри... Мы редко возвращаемся на уже виденные места, а у меня ещё и в характере «не возвращаться, не перечитывать, не оглядываться». Мистическая боязнь увидеть что-то незнакомое в знакомом, потерять опору, а ещё хуже, завязнуть в прошлом, как в зыбкой трясине... затянет, задушит, погубит. Как много в нашей природе из забытого, неосознанного, практически рефлекторного... откуда эти опасения, страхи, как возникают привычки? Несколько лет тому назад я вдруг обнаружила, что, заходя в помещение, особенно незнакомое, я первым делом определяю расположение входов и выходов и никогда не сажусь спиной к двери, а ещё чувствую себя очень некомфортно, когда кто-то стоит за моей спиной. Хотя, если честно, о том, что я не сажусь спиной к дверям я узнала от других, мне же это казалось совершенно естественным постоять около разных сторон стола, к примеру, и решить, где мне лучше сесть — не поиск лучшего места, а ощущение безопасности. Да и к собакам у меня странное отношение... чувствую себя волком — на голову выше, свободнее, дружба дружбой, но сила у меня. А с кошками совсем по-иному. Когда мне предлагают завести кошку, я всегда отшучиваюсь, говоря, что две кошки в одном доме — это слишком много. Вот и рассуди, кто во мне сильнее: степной волк или кошка, гуляющая

сама по себе? Кошка, которая в эти дни, в этих местах обнаружила, что больше не хочет гулять самостоятельно... Вот волки живут семьями и дорожат этим необычайно, если доверять Дарреллу. Интересно, а степной волк тоже из этой истории? Уезжать не хочется, вот я и развлекаю себя всякой ерундой... Ерундой ли?

С гор съезжаем не останавливаясь. Всё по той же причине – боюсь, что расплачусь и потянет назад. Ох, уж эта Сванетия!

Периодически засыпаю, проваливаюсь в какие-то зазеркалья, приоткрыв глаза, смотрю сколько ещё осталось и опять впадаю в сон. В какой-то момент, проснувшись, обращаю внимание на дорогу. Широкая, совершенно новая: две полосы в одну сторону, две в другую, разделённые каменным возвышением с яркими цветами. Дороге могут позавидовать даже издавшие виды европейцы. Мы тут практически одни. Это ещё Грузия? Ты не потерялся, пока я тут мирно спала, беззаботно положившись на твои водительские способности? Выглядит это более чем странным. Может местные просто не любят хорошие дороги? Ты уверен, что эта дорога открыта для проезда? Одна, две машины, всё-таки составляют нам компанию, да какой-то хилый мужичок нагло собирает урожай общественных цветов на разделительной полосе. Так, километров тридцать, по почти лунному пейзажу, а потом, как-то сразу и неожиданно, машина опять резко подпрыгивает на ухабах местных дорог и начинаются привычные пробки с ошалелыми грузинскими водителями. Интересно, как мы оказались на той безлюдной дороге и, что ещё интереснее, где были все остальные, неизвестно откуда нахлынувшие сейчас? Деревни, города, указатели, сообщающие о проезжаемых исторических памятниках, мелькают за окном, на максимально разрешённой скорости. Мы всё ближе и ближе к Тбилиси... всё дальше и дальше от пьянящего воздуха, парящей в горах Сванетии.

— Как домой вернулись – говорим мы, переступив порог уже знакомой нам гостиницы, примостившейся у самого бока Синих бань.

— А разве вы тут не живёте? – вторят нам в тон наши гостеприимные хозяева – Мы по вам уже соскучились. Как вам там было?

Почему-то в Грузии, всюду чувствуешь себя как дома... не у себя дома, а у тех, кто тебя любит и ждёт, всегда ждёт и рад тому, что заскочил на огонёк, почтил своим присутствием. В Тбилиси у нас всего полтора дня. Надо купить всем подарки, немного грузинских яств и пряностей, да порадовать себя чем-нибудь эдаким... на прощание. Достопримечательности уже все осмотрены ранее, твой энтузиазм значительно поубавился, да и усталость, напряжение от накрученных километров, дают о себе знать. Ты притих, в ожидании скорого отлёта. Вот именно тогда, в тот последний день, город заговорил с нами совсем другим голосом. Как по волшебству, он начал раскрывать перед нами свои, скрытые до того времени, стороны. Стоило чуть свернуть с уже найденных улиц, и мы оказывались перед иными, незнакомыми прежде местами. Не твой город...

— Можем начать всё с начала! – говорю я, вполне серьёзно.

— А я хочу домой – в твоём голосе слышится усталость и безразличие.

— Разве это не твой дом? – испытываю я тебя.

— Нет, мой дом совсем в другом месте.

— Дом, который построила для нас я? – спрашиваю лукавая.

— Вот именно! – не задумываясь, отвечаешь ты, а я мысленно похлопываю себя по плечу: Умница!

А город всё почует и почует нас на прощание: «Ах да возьмите ещё этого, да того, да ещё немного из тех не забудьте» Ну просто одинокая тётушка хлопочет над нами, в слабой надежде, что вот порадует нас покрепче, и мы приедем ещё. Тут тебе и концерт грузинского танца, и музыка голосом Кикабидзе, и еда, пуще прежнего манящая ароматами. Сумерки опускаются на город, и он, в очередной раз, меняет своё обличье. Как из-под земли, совсем близко от нашей гостиницы, возникает ярко освещённая улица, уходящая куда-то в сторону. Оттуда раздаётся непонятная музыка, тянет пряным запахом, туда увлекает поток, нарядно одетой публики.

Следуя за ними, мы попадаем на улицу диковинных бутиков. Непривычные витрины, изобилие странных вещей, атмосфера изысканности, элитарности, экзотики. В витрине одного из них, с лицом, обращённым к освящённой улице, безмятежно спит женщина. Среди всех этих диковинок, она кажется необычным манекеном. Из-под маленькой шапочки валеной шерсти, волной струятся огненно-рыжие волосы, под стать невероятно яркой, всех цветов радуги, накидке. Громкий перезвон дверных колокольчиков возвещает о нашем приходе, но женщина продолжает мирно дремать, обратив во внешний мир, опущенные веки с густыми чёрными ресницами и полуприкрытые губы с остатками кроваво-красной помады. Всё пространство магазина заполнено всевозможными авторскими работами в той же техники, что и одеяние её мирно дремлющей хозяйки. Я перебираю не по сезону тёплые наряды, перекладывая их с места на место, примеряя некоторые на себя, разглядывая узоры и пытаюсь уловить секреты техники. Женщина не проявляет никаких признаков жизни. Цена на уникальных товарах её магазина стоит не шуточная, вынесут – не заметит. Уже почти на выходе за нашими спинами раздаётся глубокий, грудной голос: «Кажется я задремала. Вчера здесь была вечеринка до самого утра. Я не успела даже переодеться и привести тут всё в порядок. Вы не стесняйтесь.» Женщина, как оказывается достаточно крупная, вальяжно перемещаясь по комнате, подходит к нам и широким жестом предлагает поближе познакомиться с её творениями. Я пытаюсь выведать у неё, где здесь можно купить такую шерсть и насколько сложна работа с нею. Не проходит и минуты, как мы уже закадычные друзья, обмениваемся адресами, приглашениями, а затем, нежно расцеловавшись, прощаемся. Женщина опять пристраивается в окне и, как по мановению руки, снова погружается в дремоту. Витрина с диковинными моделями парусников и переливающейся в свете уличных фонарей драгоценной мишуры, привлекает наше внимание. Одетые как на бал, элегантные мужчина и женщина, сообщают нам ещё до того, как мы успеваем переступить порог их царства, что они уже закрываются, но, если мы решили купить что-либо конкретное из их богатств, они готовы повременить. Переглянувшись в недоумении, мы благодарим и продолжаем свой путь. Улица, закрытая для машин, постепенно редет, магазины сокровищ закрываются один за другим, публика перетекает куда-то вглубь. Слышится музыка... Влекомые ею, мы идём дальше и попадаем на нескончаемую улицу баров, ресторанов, кафе. Они переходят один в другой, меняя новенькие, как с иголки, интерьеры, оглушая каждый своей музыкой, ассортиментом угощений, зазывая молодыми людьми всех возможных полов, стилей и нарядов. По обе стороны улицы, выставлены столики, кресла, настольные лампы, торшеры, свечи. Вечер выдался теплым, и публика всё больше сидит на улице, попивая горячие или горячительные напитки, покуривая кальян, ароматы которого плывут над всем этим ночным гулянием, не оставляя места сомнениям. Здесь, в

отличие от того Тбилиси, с которым я впервые знакомилась две недели тому назад, почти не слышно русской речи. Здесь восток и запад представлены во всём своём разнообразии. Каждый из баров предоставляет бесплатную виртуальную связь и посетители, расположившись перед экранами своих мобильных, общаются со всем светом, перемешивая языки и интонации, пытаюсь перекричать музыку, пренебрегая всякой интимностью. Мы тоже присаживаемся в одном из таких мест.

— Это совсем не мой Тбилиси – говоришь ты.

Я задумываюсь на какое-то время. Мне здесь уютно, приятно, но есть ещё что-то, что тревожит меня...

— Есть в нём какое-то томление, загадка... Мне нравится этот новый его лик. В нем есть что-то от порока невинности, без налёта истории, без заскорузлости. Как будто что-то внове, любопытное, ещё не погрязшее, но уже и не девственное... Томление, вот именно томление. Где-то я уже встречала это слово... Фокстрот Томление... В Степном волке... Безумное томление, погружающее в невероятный водоворот открытий. Открытий о самом себе. Ещё вчера я тосковала о чистоте и невинности, об устойчивости традиции, о простоте и предсказуемости жизни, там в далёких горах. А сейчас, я с упоением пью этот терпкий запах запретного, эту загадку, с лежащим на поверхности ответом, это ощущение вертепа... Желтизна тех ковров из цветов спорит с желтизной ночных фонарей здесь, и те, и другие затягивают в безумие, забвение, отречение от обыденного, привычного. Оба манят меня и оба желанны. В той книге было и об этом... Каждый из нас – это множество фигурок, собранных вместе. Их можно переставлять местами, менять значимость и первенство, но это всегда остаёшься ты. Это не раздвоение личности, это её богатство, её уникальность. Нужно только перестать бояться этого, перестать втискивать себя в рамки, перестать оглядываться...

Уже за полночь, мы отправляемся в Синие бани. В твоё время сюда ходили женщины, а ты с мужчинами посещал Офицерские. Волшебная сказка мозаик, хрусталя, изящество металлов и дурманящая тяжесть водных кабинетов. Напитаться здоровьем и смыть усталость...

Под утро за нами приезжает такси. Мы молча едем в аэропорт. У входа нас встречает всё тот же пес с биркой на ухе. Лениво приподняв голову и проводив нас рассеянным взглядом, он опять погружается в свою собачью дремоту...

